

ВАСИЛИЙ БОЛДЫРЕВ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ, УЧАСТНИК
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО
СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ВОСТОКЕ
РОССИИ, ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВОЙСКАМИ ДИРЕКТОРИИ

ДИРЕКТОРИЯ

КОЛЧАК

ИНТЕРВЕНТЫ

КРАСНЫЕ
ИНТЕРВЕНТЫ

Василий Болдырев

Директория. Колчак. Интервенты

«Центрполиграф»

2017

УДК 94
ББК 63.3(2)612

Болдырев В. Г.

Директория. Колчак. Интервенты / В. Г. Болдырев —
«Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07487-4

Белый генерал Василий Георгиевич Болдырев – фигура загадочная. Сперва называл советскую власть «красным кошмаром, который давит и душит Родину». Осенью 1918 года стал членом Директории и был назначен главнокомандующим. Во время военного переворота, когда Директорию арестовали, а Совет министров избрал верховным правителем России Колчака, Болдырев был в Уфе. Будь он в Омске, история могла пойти по другому пути, потому что часть офицеров поддерживала генерала, и у него были все шансы стать правителем. В 1922 году во Владивосток вошли красные. Болдырев, вместо того чтобы уехать в Японию, остался в городе и был арестован. Отсидел в тюрьме, получил работу в Сибирской плановой комиссии. Жил в Новосибирске. В 1933 году расстрелян за «контрреволюционную деятельность».

УДК 94
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-07487-4

© Болдырев В. Г., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

В.Г. Болдырев и его воспоминания	6
От автора	14
Часть первая	16
Выход из тюрьмы. Политические настроения. «Национальный центр» и «Союз возрождения России»	16
Самара. Комуч	23
Антивоветские правительства Урала и Сибири	25
Уфимское Государственное совещание	29
Сентябрьские события в Омске	41
Образование Директории	43
Первые шаги Директории. Назначение Верховного главнокомандующего. Положение на фронте	45
Выбор столицы. Дорога. Приезд в Омск	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Василий Георгиевич Болдырев

Директория. Колчак. Интервенты

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

В.Г. Болдырев и его воспоминания

За последние годы русская литература обогатилась многочисленными и даже многотомными «воспоминаниями» и «мемуарами», посвященными мировой войне и обеим революциям. В этом отношении особенно богат вклад, сделанный белой эмиграцией и вообще деятелями контрреволюционного лагеря. Вышвырнутые Октябрьским переворотом за пределы нашей республики и оставшись не у дел, они на досуге занялись литературой. Не будет большим преувеличением, если скажем, что навряд ли имеется еще какой-нибудь видный активный деятель контрреволюции, не говоря уже о многочисленных пассивных зрителях, пользовавшихся «весом» и занимавших «положение» в буржуазном обществе, который не употребил бы свой вольный и, большей частью, невольный досуг для того, чтобы поделиться своими грустными воспоминаниями, личными наблюдениями и тоскливыми переживаниями за годы империалистической и, особенно, за годы Гражданской войны. Это сделали уже и по сию пору продолжают делать, повторяем, не только такие крупные фигуры, как Деникин, Лукомский и др., но и фигуры более мелкие и даже совсем второстепенные, – так сказать, мелкие сошки контрреволюции.

Как ни богата эта мемуарная литература, но Сибирь она пока что уделила сравнительно мало внимания.

Рассеянные же в разных журналах статьи мемуарного характера, а также брошюры, которые посвящены Сибири, обычно затрагивают только отдельные моменты или эпизоды из истории революции или контрреволюции в Сибири.

Мемуаров же, которые охватывали бы сибирскую эпопею в целом или, по крайней мере, давали бы последовательное изложение отдельных законченных этапов этой эпопеи, пока что вышло мало: один, два, три – и обчелся. Да и те, которые известны нам, ограничиваются, главным образом, эпохой колчаковщины и совершенно почти не касаются тех событий, которые развертывались на Дальнем Востоке после гибели Колчака.

Все эти воспоминания и мемуары, представляя большой интерес по тем документам, которые они приводят, и по тем характеристикам, которые в них встречаются, носят на себе явные следы глубокой вражды и ненависти к советской власти. В своих литературных трудах эти политические и военные неудачники стараются в первую очередь обелить себя от всех содеянных ими мерзостей и подлостей и всю вину в неуспехе и неудачах контрреволюции взвалить на плечи других, обычно на соперников из своего же стана, затем на интервенцию, которой они же сами открыли двери России, и, главным образом, на неблагоприятные объективные и случайные обстоятельства. Читая эти книги, можно думать, что успеху советской России сопутствовали одни лишь благоприятные условия. Как будто советская Россия не голодала и не холодала и не сжималась железными кольцами блокады.

Вскрывая, изобличая и порой откровенно обнажая в своих воспоминаниях все недостатки, промахи и истинную подоплеку квасного патриотизма, правильнее сказать, личные шкурные интересы и карьеризм своих товарищей – соперников по оружию и идее, наши авторы обычно глубокомысленно умалчивают о своих грехах и преступлениях «перед горячо любимой родиной и народом», всегда выставляя себя как подвижников и страстотерпцев, а своих преданных соратников как лиц бескорыстных и доблестных.

Нельзя сказать, чтобы воспоминания и дневник В.Г. Болдырева совершенно свободны от всех этих недостатков. И в воспоминаниях Болдырева встречается много досадных неточностей и не менее досадных недоговоренностей. И он кое о чем умалчивает. Это бросается в глаза каждому внимательному читателю. Особенно пестрит досадными недоговоренностями вторая часть, посвященная Японии. «Страха ради иудейска», или по какой-нибудь другой причине, автор слишком схематически передает свои разговоры с лицами, с которыми встречался, и

многие из этих разговоров совершенно замалчивает. Ценность этой части книги заключается главным образом в том, что здесь Болдырев дает много бытовых картин из жизни Японии и ее армии. Болдырев видел много такого, что недоступно для обычного туриста.

Что же касается книги в целом, то прежде всего следует отметить, что главную ее часть составляет дневник – записи, которые автор чуть ли не ежедневно делал для себя. Эта часть книги носит поэтому характер документа.

Ценность этих записей – независимо от того, насколько они точны и объективны, – усугубляется еще тем, что они делались не случайным любознательным обывателем, а человеком, принимавшим активное участие и даже игравшим крупную роль в тех событиях, которые он с усердием летописца заносил в свой дневник.

Эти воспоминания интересны, во-вторых, и потому, что знакомят с историей возникновения, жизни, чтобы не сказать – прозябания, и смерти Директории и, кроме того, ко всему уже давно известному прибавляют еще несколько ярких и характерных фактов, способных пролить больший свет на то, при каких обстоятельствах и каким именно образом Колчак сел на диктаторский трон. Читая эти страницы, ни в коем случае, однако, не следует забывать, что оценку Директории дает один из ее основателей, человек, примыкавший к «Союзу возрождения России», равно не следует забывать и того, что о Колчаке пишет неудачный соперник.

Наибольшего внимания заслуживает, конечно, третья часть книги, охватывающая события, которые разыгрывались на территории Дальнего Востока за период с начала 1920 по конец 1922 года. До сих пор никто еще не изложил события этих двух лет на Дальнем Востоке в их исторической последовательности. Этот пробел до некоторой степени заполняется книгой Болдырева, который в этих событиях принимал активное участие.

В изложении этих событий также попадает много неточностей, что, однако, не умаляет значения книги.

Книга в целом дает нам некоторое представление о том, в силу чего и под влиянием каких причин Болдырев, по примеру многих других бывших царских генералов, в конце концов ориентировался на советскую власть. Не забудем также, что Болдырев был тем именно спасительным генералом, на которого урало-сибирская контрреволюция возлагала все надежды в расчете, что ему удастся вооруженной рукой свергнуть советскую власть.

Дабы читатель получил полное представление о Болдыреве, нелишним считаем привести некоторые его биографические данные.

Болдырев родился в апреле 1875 года в Сызрани в семье крестьянина. Отец занимался кузнечным ремеслом, а мать владела небольшими кирпичными сараями. С детских лет Болдырев помогал отцу в кузнице, а матери – на кирпичном сарае. Свое первоначальное образование он получил в приходской, а затем в четырехклассной городской школе, причем каникулярное время обычно проводил за работой в кузнице в качестве молотобойца. На 15-м году жизни Болдырев поехал в Пензу, где поступил в землемерное училище (среднее учебное заведение), которое отлично окончил в 1893 году. Скопив немного денег, Болдырев поехал в Ленинград, где одним из первых сдал конкурсный экзамен для поступления в военно-топографическое училище, по окончании которого подпоручиком корпуса военных топографов отбывал шестимесячное цензовое прикомандирование к лейб-гвардейскому гренадерскому полку. Проведя три года на государственных военно-топографических съемках в Эстляндии и Лифляндии и отбыв полторагодичный строевой ценз в бывшем Красноярском полку в Юрьеве (бывшей Лифляндской губ.), он поступает, после конкурсного экзамена, в Академию Генерального штаба, которую окончил по 1-му разряду в 1903 году. К этому времени разыгралась Русско-японская война, и его в качестве офицера Генштаба отправили в Маньчжурию. В блестящем штурме Новгородской (Путиловской) сопки на реке Шахе, штурме, закончившемся победой, кстати сказать, единственной крупной победой за всю войну, Болдырев был ранен в ногу. Оправившись от полученной раны, Болдырев вернулся на фронт, где пробыл до конца войны.

В 1911 году Болдырев получил приглашение читать лекции в Академии Генерального штаба. Защитив диссертацию, он в мае 1914 года получил звание профессора той же академии. Но уже в июле 1914 года, во время империалистической войны, он отправился в поход в роли начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Бой под Ивангородом принес ему Георгиевское оружие. Борьба против обходящих крепость Осовец немцев дала ему Георгиевский крест.

Пробыв год в чине полковника, Болдырев за бои у Красника и особенно за разгром, небольшой сравнительно частью, целого австрийского корпуса получил чин генерал-майора.

Затем он был генералом для поручений при командующем 4-й армией, а 8 августа 1916 года принял весьма ответственную должность генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта. На этом посту, который дал Болдыреву возможность прийти в тесное соприкосновение с общеполитическими вопросами и настроениями правящих петроградских кругов, его и застигла Февральская революция. Добавим еще, что отречение Николая II совершилось на глазах у Болдырева и у него же в первое время хранился сам акт об отречении.

Болдырев написал также ряд научных военных трудов, как то: «Бой на Шахе», «Автомобиль и его техническое применение», «Тактическое применение прожектора», «Атака укрепленных позиций» и др.

Эти краткие биографические данные показывают, что в лице Болдырева перед нами не тот типичный царский генерал, который вышел в люди, добился чинов и орденов и достиг высокого положения благодаря своему дворянскому происхождению, вследствие содействия влиятельной родни или таких власть имущих лиц, как Распутин. Как-никак, но в лице Болдырева перед нами – сейчас, правда, бывший – царский генерал, вышедший из пролетарских рядов. Не думаем, чтобы армия числила в своих рядах многих таких генералов. Недюжинными же способностями и исключительными военными знаниями должен был обладать этот выходец из пролетариев, которому в царское время удалось пробить себе дорогу и, вопреки кастовым предрассудкам высшего русского косного офицерства, занять одну из верхних ступеней военной иерархической лестницы. И уж во всяком случае слишком должен был деклассироваться этот пролетарий, если ему удалось заслужить полнейшее царское доверие. Правда, среди преподавателей Академии Генштаба Болдырев, как нас уверяют, слыл «демократом», но этот демократизм был столь эфемерного свойства, что он, с одной стороны, не вызывал к себе никакого и ничьего подозрения, а с другой стороны – ничуть не мешал Болдыреву служить царю верой и правдой, тем более что только такой службой можно было обеспечить себе карьеру, а делал эту карьеру Болдырев, как мы видели, с головокружительной быстротой. И понятно, что первые дни Февральской революции, когда окончательно еще не было известно, «чья возьмет», Болдырев, как и все прочие генералы Ставки, принимал деятельное участие в охране царя.

Когда же Февральская революция стала совершившимся фактом, то Болдырев сделал сдвиг в сторону демократизма, но это был сдвиг «постольку-поскольку». Его демократизм тем более не мог мириться с теми началами, которые провозглашены были Октябрьской революцией, ибо эта революция сводила на нет все то, ради чего и во имя чего жил и работал наш бывший царский генерал. И Болдырев поэтому уходит в лагерь контрреволюционеров, чтобы вести борьбу с «захватчиками» законной власти.

Перед ним два пути: на юг – к Алексееву, Корнилову и Деникину или на Урал – к эсерам. На юге орудует военщина, стремящаяся к полнейшей реставрации, а на Урале – «демократия». Болдырев пошел на Урал. Туда – старается он уверить нас – его влекла близкая его сердцу демократия. Так ли это? Кто внимательно будет читать дневник, тот легко заметит, что демократия здесь ни при чем, а «умысел иной тут был». На юге, где орудовали генералы, имена которых были известны всей России, Болдыреву нечего было делать. Надо было связать Урал

с югом. И вполне понятно, если Болдырев направился на Урал, тем более что эсеры нуждались в генерале-«демократе».

Эсеры, нуждавшиеся в человеке, который бы организовал их военные силы, конечно, ухватились за Болдырева, и он пошел работать вместе с ними, хотя враждебно относился к Кочучу и не верил в спасительную мощь Учредительного собрания. Отдельные выражения, прорывающиеся в дневнике, прямо указывают на то, что Болдырев собирался на Урале действовать в полном контакте с генералами юга. Во всяком случае, слишком легковесен и газобразен был налет демократизма, которым Болдырев так очаровал своих друзей – эсеров. Замашки царского генерала так и прорывались у него наружу. Он не только готов, по словам Зензинова, применить на фронте «суровые меры до расстрела включительно против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций», что, впрочем, может быть до некоторой степени оправдано условиями военного времени, но он также не прочь жестоко расправляться с железнодорожными стачечниками, требующими повышения заработной платы. Когда же правые открыли поход против Сибирской областной думы, то вместе с ними выступал против эсеров и Болдырев, и при его содействии было ликвидировано единственное уцелевшее в Сибири представительное учреждение, считавшееся демократическим.

В своей книге Болдырев поет настоящий гимн Директории, перечисляя все ее демократические доблести и заслуги. С чувством глубокой горечи вспоминает он гибель Директории, которая не устояла против натиска правых группировок и бесславно окончила свой жизненный путь, не будучи поддержана массами. Слишком поздно вспомнил наш «демократ» о массах. Тогда же, когда он стоял у власти, то о массах не думал. И не замечает он того, что массы, разбуженные Октябрьской революцией, не могли принять «живое участие» в борьбе за Директорию, которая строилась царскими генералами и атаманами и приспешниками капитала. А сейчас Болдыреву только и остается, что в утешение себе занести в книгу: «Директория – небольшое звено в общем ходе событий, и раз она существовала – значит, она была необходима и целесообразна. Ее место в истории, как бы скромно оно ни было, принадлежит только ей».

Директория, несомненно, займет свое «скромное» место в истории, но только как курьезная попытка группы безответственных, беспочвенных и слабовольных политических авантюристов подчинить себе, под маской демократизма, народные массы, рвавшиеся сбросить с себя оковы политического гнета и экономического рабства.

Если же Директория действительно была «необходима и целесообразна», так разве постольку, поскольку она прокладывала дорогу к диктаторскому трону, к единоличной власти. Ведь если бы своевременно не подоспел Колчак, то его место при той обстановке, которая тогда создавалась, несомненно, занял бы другой.

И напрасно Болдырев обвиняет Колчака в узурпаторстве, ведь Колчак только предвосхитил самого Болдырева.

«Кабинет министров» – рассказывает, несомненно, хорошо осведомленный Сахаров – признал необходимость и своевременность «замены Директории единоличной военной властью и обратился к генералу Болдыреву, как к Верховному главнокомандующему, с предложением взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность»¹.

Своевременность же Болдырев прозевал и оказался поэтому вышвырнутым за борт более ловким и находчивым адмиралом.

Не нам, конечно, об этом жалеть. Немногое проиграли мы, как и немногое выиграли бы от того, если бы сибирский трон достался Болдыреву.

¹ См. книгу К.В. Сахарова «Белая Сибирь», Мюнхен, 1923, с. 21. Сахаров, заметим, незадолго до падения Колчака был главнокомандующим его армиями.

Что особенно бросается в глаза, так это та легкость, с которой Болдырев сдал позиции Колчаку. Энергичный и предприимчивый на войне с японцами и немцами, Болдырев вдруг попал в состояние такой протрации, что оказался совершенно безынициативным и нерешительным. «Гражданское мужество и решительность военных властей (в гражданской, надо понять, обстановке. – В. В.) всегда оказывались, – глубокомысленно поучает нас Болдырев, – ниже их профессионального боевого мужества на внешнем фронте». И заготовленный было приказ армии о походе против захватчика Колчака так и остался лежать под сукном. «Суждены нам благие порывы!» Зато Болдырев старался укротить Колчака словами, взятыми напрокат из арсенала эсеровской фразеологии.

Как будто боевой генерал, не раз нюхавший порох, не мог знать, что одними словами в таких случаях не действуют. И хотя Болдырев силою обстоятельств вынужден был примириться со своим положением, но в душе своей – что, впрочем, проскальзывает и в дневнике и о чем свидетельствуют многие документы – не раз сожалел, что прозевал удобный момент и дал так глупо обойти себя. Ведь «счастье было так возможно, так близко». И это «счастье» он, бесспорно, хотел себе вернуть.

Заехав во Владивосток, он немедленно же начал зондировать, насколько благоприятно складываются обстоятельства к тому, чтобы удачно свергнуть Колчака. И не напрасно Болдырев избрал для своего отдыха Японию. Где было искать поддержку против Колчака, как не в Японии.

Чем Болдырев похвастать не может, так это последовательностью в словах и действиях. Болдырев все время старается уверить нас, что был врагом интервенции, а в действительности он все планы для борьбы с большевиками строил на интервенции и на нее же возлагал все надежды. И поступал он так даже тогда, когда жил в Японии, когда, следовательно, был не у дел. Именно тогда он написал известную записку «Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевизмом», которая была передана представителям союзных держав.

Указав в этой записке, что «несогласованность действий (союзников. – В. В.) содействует прочности большевизма, облегчает его пропаганду и переносит заразу далеко за пределы России», напомнив, что «большевизм – мировое зло» и что поэтому «борьба с большевиками является борьбой за сохранение культуры, борьбой цивилизации против варварства и разрушения», Болдырев внушает союзникам, что борьба с большевиками «является общим делом всех культурных стран», а потому все они должны объединиться для этой борьбы.

Болдырев выработал даже план этой борьбы.

«Нужны, – говорит он, – союзнические силы, готовые в крайнем случае и для нанесения решительного удара вооруженным силам большевиков. Силы эти могли бы быть организованы: а) для действия совместно с Добровольческой армией генерала Деникина с юга России и б) со стороны Сибири с сибирскими войсками».

«Силами Японии, – советует Болдырев, – немедленно приступить к организации и переброске в Сибирь 150–200 тысяч армии, из коих 100 тысяч – на Уральский фронт, а остальные – для охраны порядка внутри Сибири и на железной дороге» (курсив наш. – В. В.).

«Предложить остальным союзникам, – рекомендует Болдырев, – оказать немедленную денежную помощь Японии и снабдить ее необходимыми материальными и техническими средствами».

«Ближайшая очередная задача – овладение линией реки Волги».

Такие и тому подобные советы давал союзникам «враг» интервенции Болдырев, одновременно работая над достижением японо-колчаковского соглашения, хотя Колчак на это никаких полномочий ему не давал. Обо всем этом Болдырев предупредительно уведомил Колчака письмом. И характерно, что молчанием откликнулся Колчак на это письмо.

Полнейшую непоследовательность проявлял Болдырев и в своих отношениях к чехословакам. Он ненавидел их на словах, – а ведь было за что ненавидеть их, – но на деле он не прочь

был при случае и ими воспользоваться для своих надобностей. Да если бы случайные обстоятельства не помешали, то Болдырев выступил бы против Колчака в одной и той же организации, которая объединяла и другого соперника Колчака – Гайду, того Гайду, которого Болдырев в своих мемуарах на каждом шагу третирует *en canaille*.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Болдырев одновременно вел игру на разные стороны, дабы своевременно пристать к той, которая одержит верх.

Он находится в переписке с Чайковским, Авксентьевым и Брешко-Брешковской и в то же время поддерживает связь с крайними правыми.

«Ваши шансы растут даже у правых», – сказал Болдыреву один приятель, и Болдырев с явно искусственной иронией заносит эти слова в свой дневник.

Чего проще? Еще в сентябре – октябре 1919 года он заигрывает с областниками, собирающимися вырвать власть у Колчака, а в ноябре он предлагает помощь колчаковскому правительству. Более подробное освещение этих фактов читатель найдет в тексте и особенно в примечаниях.

Эпоху колчаковщины Болдырев провел в Японии. Разгром Колчака и крушение интервенции дали ему возможность оценить происходящие события более правильно. В январе 1920 года он вернулся в Россию.

Дальнейшая деятельность Болдырева вполне отчетливо выявлена и подробно изложена в самой книге. Мы поэтому на этой деятельности здесь останавливаться не будем. Свои соображения и дополнения мы выскажем и сделаем в примечаниях. Здесь отметим только, что тесное соприкосновение и более близкое ознакомление с положением советской власти и ее задачами побудили наконец и Болдырева «сменить вехи», и уже на Дальнем Востоке ему удалось некоторыми поступками доказать, что он распростился с прошлым и ориентируется на советскую власть.

26 октября 1922 года красные войска, предводительствуемые Уборевичем, заняли Владивосток. Болдырев не эмигрировал, а остался в городе и решил передаться властям, чтобы держать ответ за свои прошлые преступления против советской власти.

Мотивирует он свое решение следующими предусмотрительными словами: «Обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений *извне* против России, подсказывала мне, что в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа».

«Ничто, – внушает он нам несколькими строками выше, – никогда не заслоняло во мне мысли о родине и работе в своей стране».

«Россия!», «Родина». Нерешительный в действиях, наш боевой генерал проявил и некоторую чрезмерную осторожность в словах. Куда решительнее и прямее он высказался некоторое время спустя.

Из Новониколаевского местзака, куда перевели Болдырева, он 22 июня 1923 года обратился во ВЦИК со следующим заявлением:

«Отойдя в середине июня 1922 года от всякой политической и общественной работы и откинув мысль об эмиграции за границу, я, после занятия города Владивостока войсками Красной армии в конце октября 1922 года, как бывший профессор и член конференции военной академии, готовился к отъезду в Москву вместе с личным, бывшим во Владивостоке, составом профессуры и имуществом академии. Отъезд этот должен был быть выполнен в срочном порядке, согласно телеграммы наркома по военным делам т. Троцкого. Тем не менее поездка не осуществилась. 5 ноября, по распоряжению местного ГПУ, я был арестован».

Изложив затем довольно подробно свою военную и политическую деятельность за все время революции и Гражданской войны в России, Сибири и на Дальнем Востоке, В. Болдырев заканчивает свое заявление так:

«Внимательный анализ пережитых пяти лет революции привел меня к убеждению:

1) что за весь этот период только советская власть оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди хаоса и анархии, созданных разорительной европейской, а затем внутренней Гражданской войнами, и в то же время оказалась властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против советской власти является безусловно вредной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разорению, возможному вмешательству иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения;

3) что всякое вооруженное посягновение извне на советскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россию и выражающую интересы рабочих и крестьян, является посягновением на права и достоинство граждан республики, почему защиту советской России считаю своей обязанностью.

В связи с изложенным, не считая себя врагом советской России и желая принять посильное участие в новом ее строительстве, я ходатайствую (в порядке применения амнистии) о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения. Если бы представилось возможным, я был бы рад вновь посвятить себя моей прежней профессорской деятельности».

Одновременно В. Болдырев обратился к наркому по военным делам со следующим заявлением: «22 июня с. г. мною возбуждено ходатайство перед ВЦИК о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения после ареста в Владивостоке 5 ноября 1922 года; вместе с тем мною заявлено желание, если в том встретится потребность, предоставить мне, в случае моего освобождения, возможность приложить свои силы к строительству советской России.

Будучи до империалистической войны в составе профессоров Военной академии (Генштаба), ходатайствую о предоставлении мне возможности вновь посвятить себя прежней профессорской деятельности».

ВЦИК ходатайство В. Болдырева удовлетворил. В порядке амнистии В. Болдырев был освобожден из заключения и дело о нем прекращено. В настоящее время В. Болдырев работает в Сибирской плановой комиссии.

Нам остается еще сказать несколько слов о том, в каком виде автор публикует в настоящей книге своей дневник.

В своем небольшом предисловии автор, между прочим, говорит: «Я оставлял записки дневника в неизменном виде, за исключением редакционных поправок и тех пояснений, без которых многое являлось бы непонятным из краткой, почти условной, редакции дневника.

Выпущено то, что носит исключительно личный характер, или то, что не имеет широкого политического или общественного значения».

Дневник, по нашему мнению, имеет историческую ценность постольку, поскольку он печатается по первоначальной, неискаженной записи. Тем не менее мы бы согласились с автором, если бы его редакционные поправки действительно носили тот характер, о котором он говорит в своем предисловии к своей книге.

При сверке же дневника, сданного в печать, с той точной копией с подлинника, которая находится у пишущего эти строки, оказалось, что местами редакционные поправки автора придают сейчас совсем другой оттенок действительной записи. Мы сочли поэтому своей обязанностью в примечаниях восстановить точную запись тех отдельных мест, истинный смысл которых, по нашему мнению, немного пострадал от редакционной руки самого автора.

Сожалеет только о том, что лишены возможности проверить по подлиннику весь дневник, ибо в нашем распоряжении имеются только записи с 3 октября 1918 года по 4 октября 1919 года включительно и часть записей, относящихся к 1920–1921 годам.

В заключение отметим, что все примечания, которые приведены в книге под текстом страницы, принадлежат самому В.Г. Болдыреву.

Мои же примечания собраны в конце книги.

В. Вегман

От автора

Почти с первых дней мировой войны я положил за правило вести поденную запись событий, встреч, разговоров, дум.

В условиях походно-боевой жизни, особенно в начальный период войны, в период непрерывных движений, боев, в период новых надежд и первых горьких разочарований, – записи эти носили случайный, отрывочный характер. Это были наброски на марше, привале, в случайном окопе, на наблюдательном пункте. Это были листки, написанные под непосредственным ощущением боя, с присущими ему впечатлениями героизма, великодушного самопожертвования и мелкого эгоизма, ликующего упоения победой и жгучей скорби поражений. . .

В этих листках отражались и великие страдания населения на небывалом по размерам театре войны, его вынужденный исход, гибель скопленного поколениями добра, разрушение памятников старины и искусства, голод, болезни, придорожные могилы.

С конца 1916 года на высоких штабных и командных постах явилась возможность более систематических записей, охватывающих уже и вопросы глубокого тыла и общее положение страны на фоне общих мировых событий.

Все эти документы погибли бесследно, точно так же бесследно погибла масса материалов специально военного характера, накопившихся за первые три года войны.

С 1918 года, первую половину которого я провел в тюрьме и бездомных скитаниях, пришлось весьма близко столкнуться с новыми для меня политическими вопросами, вплотную прикоснуться к явлениям жизни, которые проходили малозаметными в условиях прежней обстановки.

Очень многое из документов, относящихся и к этому периоду, пропало. Тем не менее то, что сохранилось, давало некоторую возможность для обрисовки событий, характеристики лиц и настроений только что пережитой эпохи, включающей войну, гибель монархии, две революции, Гражданскую войну и интервенцию.

Я никогда не переоценивал значения моих заметок и не предполагал торопиться с их опубликованием.

По инициативе редакции «Сибирских огней», вкратце ознакомившейся с моими материалами², мне было предложено Сибкрайиздатом обработать их для отдельной книги.

По независимым от меня обстоятельствам намеченный мною труд «Шесть лет» выпускается со второго тома, куда входят воспоминания и материалы, относящиеся к периоду Уфимской Директории, к году, проведенному мною в Японии, и к событиям на Дальнем Востоке 1917–1922 годов.

Первый том труда – «Революция на фронте» (1916–1917) также готовится к печати.

Основным материалом работы является мой дневник, дополненный воспоминаниями.

Я оставлял записи дневника в неизменном виде, за исключением редакционных поправок и тех пояснений, без которых многое являлось бы непонятным из краткой, почти условной редакции дневника.

Выпущено то, что носит исключительно личный характер, или то, что не имеет широкого политического или общественного значения. Сохранившиеся другие материалы, кроме дневника, использованы в той мере, которая являлась необходимой для обрисовки того или иного события, лица, настроений.

Моя книга, хотя и чужда предвзятой хулы или восторга, тем не менее, как и всякая другая книга, касающаяся столь недавних событий, встревожит незажившие еще раны. . .

² Краткое изложение содержания настоящей книги напечатано в № 5–6 за 1923 г. и № 1 за 1924 г. журнала «Сибирские огни». (Примеч. ред.)

Это неизбежно. С этим я заранее примиряюсь. Я не ставил себе задачей рисовать картин и героев. С моей точки зрения, все лица, причастные к отмеченным событиям, и прежде всего я сам, действовали так, как умели, как учились действовать в соответствии с духом и требованиями своей эпохи. Большинство оказалось не готовыми к перелому, и я не вижу в этом ничьей индивидуальной вины.

Произошло то, что, видимо, должно было произойти.

Произошла смена эпох и культур. Эта смена подготовлялась десятками предшествовавших лет и страданиями великой мировой войны...

Переменялись роли классов в государстве.

*В. Болдырев
Новониколаевск
Октябрь 1924 г.*

Часть первая Уфимская Директория. 1918 г.

Выход из тюрьмы. Политические настроения. «Национальный центр» и «Союз возрождения России»

Вечером 2 марта 1918 года я вышел за ворота петроградской тюрьмы Кресты¹. Вместе с присяжным поверенным Казариновым² мы поехали на квартиру моей родственницы на Басейную улицу, где скромно (тогда уже голодали) отпраздновали возвращение мне свободы.

В общей сложности мое заключение продолжалось около 4 1/2 месяца, с середины ноября 1917 года, со дня моего ареста на посту командующего 5-й армией, защищавшей тогда Двинский район нашего фронта в мировой войне.

У меня не осталось особенно мрачных воспоминаний о тюрьме. Даже знаменитый Трубецкой бастион Петропавловской крепости, о котором создалось столько легенд, не показался мне таким страшным. После неимоверного напряжения, пережитого за четыре года войны и особенно с начала революции, опрокинувшей привычный уклад жизни, и после осложнений, возникших с момента ареста, мой каземат, или «камера № 71», обеспечивал мне, по крайней мере, некоторый физический отдых. Я хорошо спал, и это было довольно редким удовольствием последних месяцев перед неволей. Режим не был суровым. Новая власть еще не успела осмотреться. Она переживала и внутренний и внешний кризис. Немецкая лавина катилась к Петрограду, немцы заняли Псков, захватили Нарву...

Брестский мир еще не был подписан. Надо было увлеченных с фронта солдат двигать опять на фронт, навстречу тем же лишениям, но под новыми знаменами и другими лозунгами.

В тюрьму доставлялись газеты, допускалось довольно частое свидание с родственниками и знакомыми. Вообще, несмотря на крепкие стены казематов, чувствовалась какая-то неулавливаемая нить связи с внешним миром.

В этом я особенно убедился накануне моего суда. Вечером около 10 часов в общую камеру Екатерининской куртины, куда я был переведен к этому времени из одиночки Трубецкого бастиона, вошел бывший тогда комендантом Петропавловской крепости Павлов и заявил, что слушание моего дела назначено на завтра в 11 часов утра и что я могу подыскать себе защитника.

Я с удивлением посмотрел на Павлова и мысленно окинул взглядом моих товарищей по неволе, полагая, что остроумная шутка начальства имеет в виду кого-нибудь из них.

Однако мое удивление стало еще большим, когда на следующий день меня ввели в залу суда (дворец бывшего великого князя Николая Николаевича на Петроградской стороне).

Среди битком набитого зала, кроме присяжного поверенного Казаринова, я заметил большую рыжеватую бороду моего полкового фельдшера С., тут же были члены армейских комитетов 5-й и 12-й армий, солдаты моего полка и 43-го корпуса, с которым я принял тягчайший удар при прорыве немцев под Ригой в августе 1917 года, и много других. Вообще, защита была представлена чрезвычайно широко.

Одиноким общественный обвинитель чувствовал себя смущенным и не был особенно красноречивым и строгим в своей весьма краткой, мало соответствовавшей духу времени, речи.

Эта поддержка извне, конечно, в значительной степени смягчала тяжесть неволи, а страх... это чувство за четыре года войны и год революции утратило свою остроту.

Режим Крестов был еще легче. Здесь я большую часть заключения провел в прекрасном помещении тюремной лечебницы, где, кроме меня, были министры монархии и всех составов Временного правительства, члены политических партий, военные и проч.

Единственная мысль, беспокоившая меня тогда, была мысль о возможности захвата немцами Петрограда. Меня тревожили осложнения, которые могли возникнуть при этом в отношении политических заключенных, и, наконец, самое худшее – возможность оказаться пленником немцев.

Последнее опасение разделялось не всеми. Бывший моим соседом, интересный собеседник полковник В., наоборот, считал, что с приходом немцев немедленно станут по местам царские приставы и городовые, которые только и ждут этого момента, и все будет по-старому.

Эвакуация правительства в Москву особенно усилила мои опасения.

К счастью, заточение неожиданно прекратилось. Не связанный никакими обязательствами, я вышел на свободу.

Это было сложное и страшное время.

Встряхнувший страну шквал Февральской революции захлебнулся под давлением внешних причин. Политический характер этой революции не поколебал многих сложившихся веками устоев. В речах чувствовалась неуверенность и тревога.

Суровый Октябрь принес бурю. Она сметала старые устои. Положение «ни мир, ни война» туманило умы. Призыв к великому будущему требовал разрушения того, что было. Оголенный классовый признак делил всех на «мы» и «они». «Они» – это только враги, не там, на псковском и нарвском фронте, а в самом сердце страны, везде, на ее необъятных просторах, среди пламени и дыма начавшейся беспощадной гражданской борьбы.

Но и среди этих условий старая Россия не могла умереть мгновенно. Вздернутая на дыбы, она, по крайней мере в лице ее руководящих классов и большей части интеллигенции, была еще под обаянием лозунга «единой, великой, нераздельной», страдала за развал фронта, тревожилась вторжением немцев, негодовала на Брестский мир, учитывала тяжесть расплаты перед союзниками в случае их победы над центральными державами... ее пугала революция, угнетало разорение, пугал огромный размах социальной перестройки, которую без всякого колебания начала партия, пришедшая к власти после Октября.

В наиболее тяжком, почти трагическом положении оказалось старое офицерство. Оскорбленное и избиваемое после Февраля, который оно, несомненно, подготовило своим безмолвным сочувствием и даже содействием Государственной думе, офицерство понимало, что, в силу многих, лежащих вне его, условий, оно является тормозом на путях революции, и если терпится, то только временно, как один из рычагов той огромной машины – армии, без которой нельзя пока обойтись, и пока рычаг этот не заменен более подходящим новым.

Офицерство сознавало, особенно после Октября, что революция – это вопрос жизни или смерти. Она вырвала из его рядов уже не одну сотню жертв. И те, которые сразу не могли переродиться, у которых было искреннее, может быть, и затемненное теми или иными предрассудками понимание событий, у которых своеобразное воспитание, среда, традиции выработали свои идеалы, свое понимание общественной пользы, – те боролись и иначе поступать не могли.

На их сопротивлении крепла революция, и их поражениями оправдывалась ее необходимость и своевременность. Мне часто и с разных сторон ставились наивные вопросы:

– Почему вы сразу не сделали то-то и то-то?

– Да, вероятно, потому же, – отвечал я неизменно, – почему вы не сделали как раз обратное этому «то-то».

Отгороженный тюремной решеткой от непосредственных ощущений тогдашней действительности, не испытывая прелести осьмушки хлеба и селедки – воля отдавала тюрьме все, что могла, – я всецело сосредотачивал свое внимание на внешней опасности. Меня тревожил

захват наших территорий, грядущий, неизбежный – так казалось, по крайней мере, тогда – раздел России.

Это ощущение я особенно резко пережил на Украине, куда с огромными затруднениями перебрался, чтобы навестить свою семью. Станции Ворожба, Ахтырка... представились мне какими-то чужими: чистенькими и аккуратными, как какие-нибудь Шмаленинкен, Николанкен, Гумбинен... Восточной Пруссии, под той же опекой немецкого жандарма с неизбежным стеклом или хлыстиком в руках. Всюду виднелись готовые аккуратные ящички-посылки с продовольствием, которые два раза в неделю имел право посылать на родину каждый солдат армии, оккупировавшей богатую тогда еще Украину.

Население получало за это керенки, которые, как уверяли тогда, печатались метрами в Берлине. Так это или не так, но выкачивание Украины шло полным темпом. Голод Петрограда для меня был ощутительнее голода Германии: она четыре года была нашим врагом.

Жалкое положение «ясновельможного» гетмана Скоропадского³, ставленника немцев, только усиливало враждебность.

О Версале и его последствиях тогда, конечно, еще никто не думал, наоборот, освободившиеся на нашем фронте немецкие силы перебрасывались на запад. Не учитывавший всей сложности обстановки, Людендорф⁴ готовил могучий таран для решительного и сокрушающего удара против союзнического фронта. Только теперь из воспоминаний Людендорфа, казавшегося тогда властителем судеб Германии, мы узнали, как уже к концу 1916 года в сознании немецкого солдата начала меркнуть идея отечества, идея, заставлявшая его творить чудеса.

Она дала трещину перед твердынями Вердена, задыхалась среди газов, пламени и стали чудовищно развившейся техники союзников, истощалась на голодном пайке и умирала в безнадежности дальнейших усилий и бесцельности принесенных жертв.

«Мир без аннексий и контрибуций» представлялся уже в том же 1916 году желательным выходом из положения даже для таких столпов милитаризма, как кронпринцы Прусский и Саксонский, командовавшие на Западном фронте.

Но это мы знаем теперь, а тогда – тогда мы еще не замечали, как поизносились подошва и поистоптался каблук «немецкого сапога», которым Гофман⁵, ближайший сотрудник Людендорфа, с такой самоуверенностью пытался грозить представителям революционной России в Бресте.

Кто поверил бы в то время, что сама Германия накануне революции и что ее исстрадавшиеся народные массы скорее и легче, чем у нас, сбросят монархию и Вильгельма.

В условиях столь недостаточной осведомленности, при одностороннем понимании столь быстро надвинувшихся политических и социальных изменений, все, кто так или иначе были затронуты ударами революции, с напряжением и тревогой искали выхода.

Этот выход яснее всего рисовался в продолжении борьбы с немцами. Немцы дали России большевиков – эта версия, усиленно поддерживаемая союзниками, еще нуждавшимися в боевой помощи России, была в то время чрезвычайно популярна. Немцы отхватили громадный кусок нашей территории и беспощадно выкачивали Украину. Немцы навязали нам позорный для нашего национального самолюбия Брестский мир, политический смысл которого, как необходимой «передышки» в процессе закрепления советской власти, был тогда мало кому из нас понятен.

Казалось, наконец, что неизбежным следствием германского поражения будет и неизбежная гибель большевизма.

Так возникла идея восстановления Восточного фронта, а попутно с ней и мысль о борьбе с большевиками, мешавшими осуществлению этой идеи. Для многих последняя мысль являлась и главенствующей.

Союзники обещали материальную помощь – это было лишним толчком для успеха идеи.

Восстановление Восточного фронта после Брестского мира привлекло внимание союзников еще и по другим соображениям. Они могли рассчитывать, что группировки, объединившиеся вокруг этой идеи, одержат победу над большевиками и ликвидируют декларированную последними аннуляцию всех иностранных долгов царской России и Временного правительства, аннуляцию, сильно встревожившую буржуазные и капиталистические круги Европы.

Русская народническая интеллигенция никогда не была особенно действенной как масса. Заветы непротivления достаточно отравили и ее самосознание. Анализ поглощал динамику. Она в одиночку отважно швыряла бомбы в монархию, но только краешком пристала к рабочим, впервые 9 января 1905 года вышедшим огромной массой на улицу.

Она чудесно говорила, много спорила, порой безоружной лезла на царских городовых и войска, но не имела пока склонности к настоящим баррикадам и организованному уличному бою. Это пришло с Октябрем, который смело выкинул и знамя гражданской борьбы.

Встреча с упорной энергией большевизма, где были и недавние союзники по борьбе с царизмом, поставила интеллигенцию в тупик.

Большевизм открыто вышел против нее в июле 1917 года, потерпел неудачу, но, оправившись к Октябрю, рассеял смущенную, не сумевшую организовать и увлечь за собою народные массы народническую интеллигенцию.

Либеральная интеллигенция еще менее была способна к массовому действию и больше ограничивалась сочувствием. Буржуазия, чиновная бюрократия, те вообще полагали, что война, даже война гражданская, – дело военных.

Вот почему очаги антисоветского движения начали организовываться вокруг наиболее крупных военных имен (Корнилов, Алексеев, Деникин и др.). Была к этому и другая причина. Громадная масса офицерства наиболее пострадала и морально и материально от революции. Выброшенная за борт, она искала применения и, в силу привычной дисциплины и профессиональной инерции, потянулась к знакомым по войне вождям в «добровольцы».

Легкий налет демократизма, не успевший пустить глубоких корней после Февраля, с трудом скрывал истинную сущность настроений большинства военных группировок.

Для них все было ясно в старом порядке: и права, и обязанности. Труд и знания имели установленное привычное применение. Имелось скромное обеспечение и известное положение в обществе. В крайнем случае многие были не прочь несколько освежить старый порядок принятием не слишком радикальной конституции. Это было уже задачей Учредительного собрания, мысль о созыве коего и была включена в число лозунгов организующихся антисоветских сил.

Вожди политических групп, игравших доминирующую роль в Февральской революции и тоже оставшихся после Октября без власти и без видимой поддержки населения, искали реальной силы для новых попыток торжества своих идей. Примыкая к более реакционно настроенным военным группировкам, они неизбежно теряли лицо и сразу же должны были идти на компромиссы.

Огромная пропасть, лежавшая между крайним правым и крайним левым крылом тогдашней русской общественности, враждебной овладевшим властью большевикам, конечно, мешала им объединиться даже для борьбы против общего врага.

Отсюда – неизбежный раскол, дробление сил. Образовались две политические группы: «Национальный центр», куда вошли представители высшей царской бюрократии, представители крупных промышленников, землевладельцев и т. д., и «Союз возрождения России», включавший все политические течения от левых кадетов до умеренных социалистов-революционеров. В «Союз» входили и беспартийные элементы: военные, трудовая интеллигенция, чиновничество и пр.

«Национальный центр» определенно потянул к югу, к начавшим уже там свою деятельность военным группировкам.

Руководство южным движением сначала находилось в руках весьма популярного в то время генерала Корнилова⁶, вскоре погибшего в одном из боев с советскими войсками. Затем южное добровольческое движение возглавляли генералы Алексеев⁷ и Деникин⁸, а после скорой смерти престарелого и сильно недомогавшего Алексеева руководство перешло всецело в руки Деникина.

Превосходный корпусный командир, а затем командующий армией и фронтом, Деникин был пока вопросом как политическая фигура. Известна была лишь его определенная ненависть к социалистам и керенщине, что он ничуть не скрывал и что было тогда весьма популярно на юге. Грубоватая солдатская откровенность Деникина, а равно его склонность к красивой, скорбной фразе привлекали к нему офицерские симпатии.

Деникин, конечно, не был достаточно родовит и наряжен для той придворной, военной и гражданской знати, которая стекалась на юг. Вокруг Деникина все же кое-кто «болтал» о демократии, народоправстве и других «несуразных» предметах, но это терпелось ради страстно ожидаемого реванша. Во всяком случае, основной лозунг юга – единоличная военная диктатура как промежуточный этап к конституционной «монархии волею народа» – не казался особенно страшным и был, во всяком случае, приемлемым.

«Монархия волею народа», правда, выдвигала досадную мысль об Учредительном собрании, но с этой стороны позаботились большевики, разогнав таковое 5 января 1918 года, а созыв нового Учредительного собрания оставался вопросом далекого будущего.

В «Союзе», где весьма сильно было представлено народническое течение, во главе со старым народовольцем Н.В. Чайковским⁹, основным лозунгом было Учредительное собрание. Союз поддерживал также идею восстановления Восточного фронта в тесном сотрудничестве с союзниками. В этом направлении были сделаны уже кое-какие шаги.

Лозунг «борьба за Учредительное собрание» в то время был весьма популярен. Только этот лозунг мог быть еще в известной степени противопоставлен тем угадавшим настроение широких масс лозунгам, которые смело, не пугаясь их разрушающего значения, кинули вожди пришедшей к власти партии в изнуренные войной массы.

Лозунги, выдвинутые большевиками, имели огромное преимущество. Они были не только мало осязаемой абстрактной идеей, но имели и практический смысл. Эти лозунги были четко сформулированы и вели к определенным осязаемым результатам. «Грабь награбленное!», «Не хочешь войны – уходи с фронта!», «Власть твоя – ты хозяин положения!» и т. д. Ясно, кратко и вразумительно.

Это не то что «единая, неделимая», «война до победного конца» и даже «вся власть Учредительному собранию».

К этому необходимо добавить, что и в наиболее популярном и понятном лозунге об Учредительном собрании было значительное «но». Дело в том, что престиж Учредительного собрания 1917 года был весьма сильно подорван разгоном его, произведенным большевиками 5 января. Защитниками этого именно Учредительного собрания были, главным образом, эсеры, имевшие в нем преобладающее большинство и только что довольно бесславно утратившие власть.

Со стороны же других группировок, всецело поддерживавших вообще идею Учредительного собрания, отношение к Учредительному собранию созыва 1917 года было не только сдержанным, но скорее даже отрицательным. Такое отношение было, между прочим, и со стороны многих членов «Союза возрождения России».

Непосредственной тесной работы между «Национальным центром» и «Союзом», в сущности, не было. Все ограничивалось взаимной информацией через лиц наиболее приемлемых в той и другой организациях. Дороги были разные. Казалось, что представители «Центра» под-

держивают связь с «возрожденцами» больше по политическим соображениям и то до поры до времени. Все же в «Союзе» были социалисты, с которыми им было не по пути.

Взаимная отчужденность все усиливалась. «Центр» находился под большим влиянием В.В. Савинкова¹⁰, нетерпеливо требовавшего выхода для «накопленной им энергии», которая, к слову сказать, так неудачно разрядилась потом в Ярославле. Уже в июле связь «Центра» с «Союзом» почти разорвалась. «Националисты» определенно потянулись к югу, «возрожденцы» – на восток и в Сибирь.

Внимание «Союза возрождения России» к востоку основывалось на следующих соображениях: на Волге, после чешского выступления в июне 1917 года, образовалось правительство в составе комитета членов бывшего Учредительного собрания. Организовалась так называемая Народная армия, овладевшая линией средней Волги, то есть до известной степени как бы образовалось уже ядро будущего Восточного фронта. Это – с одной стороны.

С другой – у многих членов «Союза» были большие связи в Сибири, через которые надеялись распространить там влияние Союза.

Наконец, Сибирь была еще богата жизненными продуктами, в которых уже ощущался крайне острый недостаток в губерниях Европейской России, и, кроме того, с открытием выхода к обильно снабженному за время войны Владивостоку устанавливалась прочная связь с союзниками и широкая возможность их поддержки.

Я был в составе «Союза» и являлся до известной степени его инициатором. С югом у меня не было никаких сношений. В основе южного движения было исключительно офицерское ядро. Я относился отрицательно к чисто военным (офицерским) организациям, преследующим политические цели. Они никогда не имели ярко выраженной политической, а тем более социальной идеи, не увлекали за собой широких масс и действовали успешно – так, по крайней мере, свидетельствует история – только при дворцовых переворотах. Гражданское мужество и решительность военных вождей всегда оказывались ниже их профессионального боевого мужества на внешнем фронте. Этот недостаток проявили в свое время и декабристы в бою на Сенатской площади. Они охотно переменили бы императора, но не решались стрелять в стоявших против них своих же солдат.

Существовавший при Ставке, так называемый «Союз офицеров» не был в этом отношении исключением. Он быстро оторвался даже от солдатских масс и безнадежно пытался «делать» политику. «Союз георгиевских кавалеров», в который входили и солдаты, попытался было выступить в защиту монархии, но он бесславно сошел со сцены еще в начале Февральской революции. Предводимый генерал-адъютантом Ивановым батальон георгиевских кавалеров, не дойдя до Петрограда, после переговоров с представителями Комитета Государственной думы и Совдепа отказался от своей попытки и рассеялся как боевая единица.

Карьера Наполеона и его появление на исторической сцене были гораздо сложнее, чем это казалось кандидатам в русские Наполеоны и их горячим сторонникам.

Заблуждение это особенно сильно укоренилось на юге, где поголовно грезили диктатором. Как зараза, это заблуждение проникло затем и в Сибирь. Там, правда, из уважения к демократизму, готовы были помириться на Вашингтоне (обращение А.В. Сазонова¹¹, известного сибирского кооператора, к Колчаку).

Действительность, как известно, рассеяла эти мечтания. Окончательно похоронил их приморский «воевода» генерал Дитерихс¹².

За внешним либерализмом южных группировок всегда чувствовалась атмосфера скрытой реакции. Симпатии мои определенно были на стороне Волги и Сибири, куда в июле 1918 года я и отправился как делегат «Союза возрождения России» для участия в Государственном совещании по созданию единой объединяющей центральной власти.

Обстановка к тому времени на Волге и в Сибири была такова.

Июньское восстание чехословаков явилось толчком к образованию двух новых мощных очагов борьбы против большевиков: на Волге в районе Самары и в Западной Сибири.

Объединившиеся вокруг чехов русские военные организации послужили зародышами Народной и Сибирской армий, на которые, в свою очередь, опирались вновь организовавшиеся правительства: Самарское, из членов Учредительного собрания созыва 1917 года – Комуч¹³, и Сибирское¹⁴ – из местных общественных и политических деятелей.

Попутно объединялось для борьбы уральское и оренбургское казачество, создавшее свои войсковые правительства.

Успешный пока ход борьбы повышал энтузиазм антибольшевистски настроенной части населения, вселял веру в быстрое развитие этой борьбы во всероссийском масштабе.

Приволжье, Урал и Сибирь рисовались как база будущего строительства новой, единой, демократической России.

От внимательного наблюдателя не ускользали, конечно, и другие настроения. Вернувшись домой фронтовики, даже в условиях патриархальности уклада семейного быта казачества, довольно ярко выражали оппозицию «детей отцам». Это не было явлением общим, но уже тогда, в начале гражданской борьбы, Уральский фронт, как и другие фронты, имел «детей», дерущихся против «отцов».

За длинный путь к Самаре у меня имелась возможность для всесторонних и интересных наблюдений. В частности, на территории Уральского казачьего войска, дававшего лучшие по стойкости и дисциплине полки на русско-германский фронт мировой войны, мне пришлось наблюдать другую особенность – ярко выраженный местный казачий патриотизм.

Мой возница, старик под шестьдесят лет, с великим воодушевлением рассказывал о недавней схватке с красными: «Надо было отогнать его от нашей грани. У нас, у стариков, и ружей-то не было, дрались чем попало – простыми палками».

Пожелания рассказчика не шли дальше «граней» войсковой земли. Ясно было, что дальше, за эти грани, он драться не пойдет.

С его точки зрения, это было понятно – чего ему искать, важно было лишь, чтобы не трогали его добро: кругом зрел изумительный в том году урожай пшеницы, проса и других злаков, на безбрежных степных лугах паслись огромные табуны коней... Около его станицы протекал родной, богатый чудесной рыбой Урал.

Старик не скрывал своего негодования против части молодежи, особенно против вернувшихся с фронта более молодых казаков. Они не только будировали в станицах, но частенько перебирались в противоположный лагерь. Среди них уже были герои красного фронта.

Среди казачества были слухи об обязательной помощи союзников. «Нейдут что-то, хоть шапку их показали бы нам», – недоумевали и сердились старики в станицах.

Этот узкий, мелкий эгоизм сказывался даже в детях. Я как-то встретил плачущих мальчика и девочку, оказавшихся беженцами на Урале. «Почему вы плачете?» – спросил я. Они боязливо и нерешительно покосились на играющих вблизи крепких, загорелых казачат. На мой вопрос: «Почему вы деретесь?» – казачата не задумываясь ответили: «А не лови рыбу в нашем Урале». Этот местный эгоизм надо было учесть. Он рос по мере продвижения на восток.

Самара. Комуч

В начале августа я прибыл в Самару. В городе царило необыкновенное оживление. Он казался большим военным лагерем. Всюду попадались чешские легионеры, добровольцы Народной армии, имевшие георгиевскую ленту на околыше фуражки. Здесь уже не было погон, но чины сохранились. У чехов боевое содружество символизировалось прибавлением при взаимном обращении слова «брат», как в Красной армии – «товарищ».

Везде – в городе, на станции железной дороги, в районе волжских пристаней – чувствовалось, что решающее слово во всем принадлежало чехам. Общее командование на самарском фронте находилось в руках молодого чешского полковника Чечека.

В Самаре я познакомился с некоторыми из членов местного правительства, возглавляемого социалист-революционером Вольским¹⁵. Во время одной из бесед мне было предложено занять должность военного министра. Предложение это было мною отклонено. Я мало был знаком с обстановкой и, кроме того, имел специальную задачу по участию в собиравшемся Государственном совещании.

В Самаре я пробыл всего несколько дней, но и за это короткое время и из местной прессы, и из случайных бесед вынес убеждение, как резко расходились устремления Самарского правительства и местной общественности, возглавляемой кадетами.

Здесь, между прочим, я получил и первое предостережение о гибельности коалиционных начинаний от бывшего обер-прокурора Синода во Временном правительстве первого состава В. Львова, с которым до этого времени не был совершенно знаком. Он был безработным министром и ограничивался только подачей «благожелательных» советов. В данном случае советы обуславливались его личной инициативой, и я не без интереса слушал его характеристику местных деятелей и прогноз ближайшего будущего.

У Самарского правительства был к этому времени некоторый актив: оно успело организовать небольшую вооруженную силу, которая совместно с чехословаками вела успешную борьбу с большевиками на средней Волге и на Урале. Ряд довольно рискованных с точки зрения обеспеченности, но весьма смелых и целесообразных при существовавшей обстановке ударов против плохо организованных еще тогда большевиков отдал в руки Самарского правительства всю среднюю Волгу с Симбирском, Казанью, весь Средний Урал и огромный золотой запас, в размере более 650 миллионов рублей, захваченный у большевиков в Казани.

Боевой фронт Самарского правительства тянулся к тому времени от Казани через Симбирск, Сызрань, Хвалынский, Вольск. У Балакова фронт переходил на левый берег Волги и через Николаевский уезд соединялся с фронтом уральских казаков, тянувшимся от Николаевска (Самарской губернии) на Александров-Гай. Оренбург и Орск защищались казачьим ополчением и башкирами, под общим руководством полковника Дутова (войскового атамана Оренбургского казачьего войска).

В занятом районе находились весьма большие склады боевого снаряжения, оружия (пушки, пулеметы), взрывчатых веществ, интендантского снабжения (Казань), целый ряд важнейших в военном отношении заводов, огромный урожай хлеба, особенно в Уральской области, сравнительно густое население – словом, все, из чего при дружной и правильно организованной работе можно было бы создать весьма выгодные условия для борьбы, даже без особого расчета на внешнюю материальную помощь, которая в это время была чрезвычайно слаба.

Захват Симбирска с его патронным заводом мог бы до известной степени ослабить и крайне острый недостаток в патронах.

При закреплении и развитии достигнутых успехов на фронте, при отсутствии внутренних осложнений и непрерывно усиливающейся вражды с Сибирью Самара могла бы причинить немало затруднений советской власти.

Но необходимых для этого условий, как увидим ниже, не оказалось. Кроме того, Самарское правительство было весьма тесно связано с только что утратившей власть эсеровской партией, с которой у многих еще слишком свежи были счеты.

Керенщина была еще слишком памятна даже при нависшей угрозе со стороны Советов.

Антисоветские правительства Урала и Сибири

Кроме Самарского правительства, к западу от Уральского хребта организовались Оренбургское и Уральское казачьи правительства, правительство автономной Башкирии, Уральское областное правительство (в Екатеринбурге) и др. В Сибири – Сибирское правительство (Омск), наиболее сильное и влиятельное. О крайнем Дальнем Востоке сведения были смутные. Там шла Гражданская война, нарождалась «атаманщина», высаживались с огромной помпой интервенты.

Все эти правительства враждовали друг с другом. Имея одну общую цель – борьбу с большевизмом, они тем не менее выявляли много различий, как в способах выполнения указанной задачи, так особенно в тех достижениях, какие намечались ими как конечная цель борьбы.

Наибольшая внутренняя рознь чувствовалась, при видимом внешнем соглашении, между Самарой и Омском. Представители Омска имелись на Дальнем Востоке (Владивосток) и вели переговоры с союзными представителями за признание их правительства как Всесибирского, которое должно было в будущем послужить основой для Всероссийского правительства. Таким образом, намечался путь возрождения – «через Сибирь к России»¹⁶.

Рознь эта имела уже весьма существенные последствия. Она создала гибельную для населения таможенную войну: Сибирь не давала Уралу хлеба, Урал не давал Сибири железа¹⁷.

Хуже того. Рознь эта проникла в ряды обеих армий. Представители Народной армии (Самара), родившейся под лозунгом борьбы за Учредительное собрание, весьма нелестно трактовались в Сибирской армии, тяготеющей к бывшим тогда весьма популярными в Сибири автономистским настроениям. Сибирская армия имела свои особые цвета (бело-зеленый) на знаменах и обмундировании¹⁸.

К ущербу Самары началась опасная для нее тяга офицерства в Сибирь, где идеалы казались ему более близкими и где материальное обеспечение было лучше. Здесь восстанавливались погоны и титулы, стоившие стольких потоков напрасно пролитой крови. В Сибири был и весьма популярный среди военных, энергичный военный министр и командующий армией генерал Гришин-Алмазов¹⁹.

Положение особенно обострилось нежеланием Омского правительства посылать свои войска для подкрепления Волжского фронта. Это обстоятельство весьма болезненно учитывалось не только силами Народной армии, но и чехословаками, на которых в это время лежала, пожалуй, главная тяжесть борьбы и охрана внутреннего порядка²⁰.

По прибытии моем в Самару один из виднейших вождей Народной армии, полковник Каппель²¹, от имени измученной непрерывными походами и боями армии, почти ультимативно заявил мне о необходимости немедленного общего и политического объединения. Об этом же заявляли и представители чехословаков.

Эгоизм Омского правительства оправдывался до известной степени необходимостью окончания подготовки нарождающейся Сибирской армии.

Истинная причина была, конечно, гораздо глубже. При тех стремлениях, коими было заражено Сибирское правительство, всякая неудача Самары, в том числе и колебания боевого престижа армии «Учредилки», была, несомненно, весьма выгодна, особенно в связи с теми переговорами с союзными представителями, которые велись в это время П.В. Вологодским во Владивостоке.

О том, что таким образом представлялась полная возможность для Красной армии бить своих врагов по частям, видимо, не думали.

Между тем положение Народной армии на Волге, бывшее до сих пор блестящим, начало значительно ухудшаться. Большевики успели оправиться от понесенных здесь неудач.

Народная армия не только не смогла закрепить своих успехов и тем обеспечить себе дальнейшее вторжение в глубь России, наоборот, она начала обнаруживать явные признаки разложения, проистекавшего, с одной стороны, от недостатков ее организации, с другой – от чрезмерного утомления, без притока свежих сил.

Отмеченные успехи на Волжском фронте, в сущности, всецело должны быть отнесены за счет добровольческих отрядов полковников Каппеля и Махина, насчитывавших не более 3000 бойцов и 3000–4000 чехов, дравшихся на этом фронте. Собственно, Народная армия, состоявшая из мобилизованных солдат и офицеров, представляла боевой материал весьма невысокого качества и являлась скорее обузой, требовавшей значительных средств на ее содержание³. Из 50 000–60 000 мобилизованных, вооруженных бойцов насчитывалось не более 30 000 человек, да и то глубоко зараженных тем общим отвращением ко всяким жертвам государственного порядка, которое тогда резко проявлялось со стороны городского и деревенского обывателя.

В рядах Народной армии едва ли насчитывалось к тому времени больше 10 000 бойцов, которые положительно изнемогали под напором красных армий, стянутых к Волге с других фронтов и обладавших и лучшими техническими средствами, и богатым запасом боевых патронов, чего так недоставало Народной армии²². Ее боевые запасы подходили к концу. Союзники пока ограничивались только советами.

Особенно тяжело было с боевым снаряжением и, главным образом, с патронами у уральских и оренбургских казаков. Они, по их заявлениям, давно уже воевали за счет военной добычи и «покупки боевых снарядов у своих врагов».

Неудачная в создавшихся условиях мысль руководителей Народной армии сосредоточить все свои наиболее боеспособные части для решительного боя под Казанью поставила эти силы под удар численно сильнейшего противника, в рядах которого был значительный процент упорно и настойчиво дравшихся венгров и латышей. Здесь же были сосредоточены и добровольческие коммунистические части, оказавшиеся отличными, стойкими бойцами.

Над Народной армией и дравшимися вместе с ней чехами нависал грозный призрак неизбежного поражения. Это понимало и Самарское правительство, начавшее всюду искать поддержки. Этим же начинали тревожиться башкиры, уральские и оренбургские казаки. Но совершенно по-иному учел создающееся положение Омск, сразу значительно изменивший тон в переговорах с Самарой и заметно охладевший к мысли об объединении.

Таким образом, все правительства к западу от Уральского хребта, кроме искреннего желания объединения, настойчиво стремились к таковому и под давлением непосредственно надвигающейся на них опасности, предотвратить которую их истомленным силам было крайне тяжело. С тревогой ожидали союзников, но они не приходили.

Несколько иной представлялась обстановка в Сибири. С ликвидацией большевиков там боевая страда значительно ослабла. Сибирское правительство, не торопившееся с помощью Самаре, решило заняться более правильной подготовкой и обучением своей армии и постепенным восстановлением гражданственности.

Мысль об образовании единой Всероссийской власти, путем всеобщего соглашения, была до некоторой степени помехой, главным образом, Омскому правительству: оно само претендовало на эту власть, и в случае гибели его претензий ему предстояли бы или скромная роль местной областной власти, или отказ от всякой власти.

Опасения были небезосновательны. При известии о попытке образования Всероссийского правительства союзные представители значительно понизили интерес к идее признания Сибирского правительства²³.

³ Утгоф В.Л. // Былое. 1921. № 16. С. 16.

Это с одной стороны, а с другой – у Сибирского правительства было далеко не благополучно внутри. Разлад так называемого Административного совета²⁴, фактически заменявшего совет министров, с Сибирской областной думой обострился до крайней степени.

Дума, избранная сибирским населением после разгона Всероссийского Учредительного собрания и имевшая значительное эсэровское большинство, находилась в Томске, стесняла своим контролем Омск и мешала укреплению его кандидатуры на Всероссийскую власть. Выигрыш во времени был необходим для Омска, поэтому он и не торопился с идеей объединения, а переживаемый Самарой кризис был ему только на руку, и, конечно, поддерживать своего конкурента совсем не входило в расчеты омских политиков.

Дальний Восток жил пока самостоятельной, правда, неустойчивой жизнью и близкого участия в событиях, развертывавшихся на западе, не принимал.

Это различное отношение к идее создания центральной Всероссийской власти, являвшейся для одних насущной необходимостью под угрозой ударов извне, для других же, наоборот, «досадным осложнением», прошло через все работы созванного в Уфе Государственного совещания и отчетливо затем выявилось в отношениях к порожденному этим совещанием правительству – Директории.

Первая попытка собрать совещание для обсуждения вопроса о единой Всероссийской власти была в июле (15–16) в Челябинске. Результатом этого совещания, членами которого, главным образом, были представители Самарского и Сибирского правительств, было решение созвать 6 августа Государственное совещание в Челябинске для создания центрального Всероссийского правительства.

В действительности совещание собралось лишь 20 августа, и то не в полном составе участников, на которых рассчитывали, причем особенно чувствовалось отсутствие представителей Европейской России.

Но и это совещание, на котором присутствовали представители Самарского, Сибирского (Омск), Уральского (Екатеринбург) правительств, а также уральских и оренбургских казаков, башкир, кадетов, «Союза возрождения России», чехословацких войск и др., оказалось лишь предварительным и рассмотрело только организационные вопросы. Новое совещание, после долгих споров о месте его созыва, было назначено на 1 сентября в Уфе.

Меня, присутствовавшего на этом совещании в роли представителя «Союза возрождения России», чрезвычайно поразила горячность той схватки, которая возникла по пустому, в сущности, вопросу о выборе места для Государственного совещания.

Один из ораторов, представлявших Самарское правительство и защищавших предложение избрать местом Государственного совещания Самару, получил реплику сибиряков: «А не предпочли ли бы вы для этой цели Циммервальд или Кинталь²⁵?»

Вызов был принят. Скрытая вражда обнаружилась во всю свою величину. Потребовалось горячее примиряющее обращение председателя (Н.Д. Авксентьев²⁶) и выступление ряда более сдержанных ораторов, чтобы вернуть противников к основному вопросу.

Среди съехавшихся к этому совещанию в Челябинск общественно-политических деятелей находился бывший председатель Временного правительства первого состава князь Львов; он пробыл в Америке и, видимо, ждал поручений в связи с разрешением вопроса о центральной Всероссийской власти. В совещании участия он не принимал.

В Челябинске же я познакомился с военным министром Сибирского правительства генералом Гришиным-Алмазовым – одной из наиболее колоритных фигур Сибири. Суховатый, небольшого роста, внешностью и манерой говорить напоминавший несколько Керенского, Гришин-Алмазов обладал, несомненно, организаторскими дарованиями, энергией и решимостью,

недурно говорил, был резок, казался, по крайней мере, вполне демократичным, негодовал на союзников, особенно не ладил с чехами.

Комуч и большинство социалистов-революционеров недолюбливали Гришина-Алмазова, бывшего раньше членом этой партии. В его погоне за фразой часто проскальзывала трудно скрываемая склонность к диктатуре. Эсеры всегда это подчеркивали.

Несдержанность Гришина-Алмазова оказалась для него роковой. Под влиянием хорошего ужина на банкете в Челябинске он высказал много лишних, резких, но по существу правдивых обвинений по адресу союзников. Бывшие на банкете союзные представители обиделись. Это обстоятельство, в связи с внутренними интригами Сибирского правительства, стоило Гришину-Алмазову потери его высокого поста, а позднее он принужден был выехать из пределов Сибири.

Собрать Государственное совещание в назначенный срок 1 сентября не удалось из-за перерыва сообщений между Поволжьем и Сибирью.

Произошло это так. Значительный отряд красных, почти окруженный белыми около Верхнеуральска, тем не менее выскользнул из их кольца и прорвался на север через линию Самаро-Златоустской железной дороги у станции Иглино. Этот смелый маневр произвел значительный переполох. Командовавший красными войсками Блюхер²⁷, ставший впоследствии одним из крупных вождей Красной армии, по происхождению рабочий, создавшейся молвой был признан за потомка известного немецкого фельдмаршала Блюхера, неудачливого непримиримого противника Наполеона. Это, в свою очередь, оживило легенду о немецком руководстве советскими войсками и даже среди сдержанных сторонников интервенции подняло интерес к активной помощи со стороны союзников.

Рассеяние отряда Блюхера заняло несколько дней, и только после этого сделался возможным съезд представителей на совещание в Уфу.

Уфимское Государственное совещание

Уфа – центр Башкирии – тип обычного не особенно бойкого губернского города; Уфа красиво расположена в месте слияния рек Уфы и Белой.

Мирный обиход жизни города был в значительной степени нарушен потрясениями революции и начавшейся Гражданской войны. Обыватель, за исключением революционно настроенных группировок, жаждал покоя.

Съезд делегатов на Государственное совещание оживил город. Особенно непривычное оживление началось в центре, в районе «Большой Сибирской гостиницы», где размещались прибывшие делегаты и где должно было заседать само совещание.

Согласно постановлениям, принятым в Челябинске, в состав Государственного совещания могли входить только делегаты правительств и политических партий. Все же организации, ставящие себе исключительно частноправовые или групповые цели, этого права не получали.

Таким образом, в состав Уфимского Государственного совещания вошли следующие представительства: Самарского комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), Сибирского Временного правительства (Омск), областного правительства Урала (Екатеринбург), правительств казачьих – Оренбургского, Уральского, представителей казачьих войск: Сибирского, Иркутского, Семиреченского, Енисейского, Астраханского; правительств: Башкирии, Алашорды, Туркестана и национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири; временного Эстонского правительства²⁸; представители политических партий и организаций: социалистов-революционеров, Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков), Трудовой народно-социалистической партии, Партии народной свободы, Всероссийской социал-демократической организации «Единство», представителей съезда земств и городов Сибири, Урала и Поволжья, «Союза возрождения России» и Сибирской областной думы.

Всего собралось несколько больше 200 делегатов, и, в сущности говоря, ими была представлена вся общественность той территории, которая к этому времени была освобождена от большевиков.

Необходимо отметить, что в это же время заседал в Уфе Всероссийский съезд представителей торговли и промышленности, который очень хотел иметь свое представительство на Уфимском Государственном совещании. Однако ходатайство это, в силу изложенных уже постановлений Челябинского совещания, как ходатайство профессиональной организации – так трактовался этот съезд, – было отклонено.

Наибольшее представительство на Уфимском Государственном совещании, более ста членов, было от партии социалистов-революционеров, считая в этом числе всех членов Комуча. Это было учтено еще Челябинским совещанием, которое, предвещая вперед неизбежность компромиссных решений в работах Государственного совещания, постановило все решения принимать путем единогласного вотума всех представленных на совещании организаций, вне зависимости от размеров их влияния в стране.

8 сентября было днем открытия Уфимского Государственного совещания. Прилегающие к «Большой Сибирской гостинице» улицы – полны народом. Всюду плакаты с приветствиями совещанию и лозунгами борьбы за власть Всероссийского Учредительного собрания.

В помещениях гостиницы и главном коридоре, в «кулуарах» – собравшиеся делегаты и посторонняя публика. В конце коридора – красиво подобранные, очень молодцеватые парные часовые из офицерского эскадрона, с шашками наголо – это демонстрация вооруженной силы Комуча, почетный караул у кабинета генерала Галкина, военного министра.

Я был, в сущности, новым человеком в Сибири. Я мало знал даже ее наиболее видных общественно-политических деятелей. Надо было ознакомиться с весьма сложной, полной скрытых интриг обстановкой. Наиболее важным вопросом был, конечно, вопрос фронта. Надо было объединить Самарскую и Сибирскую армии и чехов, считавшихся, собственно, чужеземной силой, находившейся в полной зависимости от поддержки Франции. Я уже знал, что чехи были враждебно настроены к верхам Сибирской армии, которая только что мобилизовалась в размерах, далеко не соответствовавших ее материальным ресурсам.

В этом отношении и началась моя работа параллельно с подготовкой к Государственному совещанию. Из первых же бесед с чехами и характера отношений ко мне Самары и военного представительства Сибири было ясно, что мне придется пожертвовать своей независимостью и отдать себя на возглавление этих трех боевых организаций – это была единственная возможность объединить их и направить их усилия для достижения одной общей цели.

Таким образом, для меня политическая обстановка до известной степени заслонялась положением фронта и организующихся для его защиты сил.

Государственное совещание открылось речью председателя Н.Д. Авксентьева. Авксентьев, председательствовавший и на Челябинском совещании, вместе с тремя видными эсерами – В. Павловым, Брешковской и Аргуновым – «по принципиальным соображениям» не входил в члены Комуча. Это делало его свободным для тех компромиссных предложений, которые и теперь уже казались совершенно неизбежными.

Внешне весьма представительный, хороший оратор, правда с некоторым уклоном к пафосу и театральности, Авксентьев сумел придать необходимую торжественность моменту.

Он много и хорошо говорил о скорби родины, необходимости полного объединения, дружески отозвался о чехах. Все было как следует.

Неприятным диссонансом прозвучало лишь заявление, что представители Сибирского правительства, не прибывшие к открытию, «вынуждены будут опоздать на один-два дня». Ясно было, что они тянули, ожидая исхода переговоров Вологодского во Владивостоке о признании Сибирского правительства. На всякий случай Вологодский телеграммой просил передать «сердечное приветствие членам совещания и пожелания скорейшего создания крепкой и сильной единой волей Всероссийской власти». Несколько позднее, когда эта власть была создана и Вологодский вошел в ее состав, он назвал это «досадным осложнением».

Эта первая трещина на общем фоне соглашения, как увидим из дальнейшего, постепенно становилась все более и более заметной.

После речи председателя были заслушаны приветствия представителя городского управления Уфы и председателя Комуча Вольского, бурно приветствуемого по инициативе эсеров. Вольский, между прочим, заявил: «Задача строительства государства Российского прежде всего есть та задача, которую мы, Государственное совещание, хотим сделать задачей большинства народа российского»⁴. Затем выступили с приветствиями делегат Сибирской областной думы и представитель съезда земских и городских самоуправлений. Последний закончил свою речь уверением, «что освобожденная Россия, вошедшая в этот зал в политически разрозненном виде, должна выйти из него единой, сильной и нераздельной».

Были приняты предложения президиума о посылке приветствий представителям союзнических наций: президенту Соединенных Штатов, председателям советов министров: Великобритании, Италии, Франции и Японии и председателю Чехословацкого национального совета в России.

⁴ Все приводимые выдержки из речей, деклараций и пр., произнесенных на Уфимском Государственном совещании, взяты из подлинных протоколов совещания.

Второе заседание совещания состоялось через день, 10 сентября. Делегация Сибирского правительства не только не прибыла, но председатель совещания, несмотря на посланную им в Омск телеграмму, даже не знал ничего о том, выехала ли она из Омска. Опять заседание пришлось ограничить зачитыванием приветственных телеграмм. Они захватывали широкий круг доброжелателей от «Всесибирского и Томского объединения трудового крестьянства» и «президиума съезда Сибирской объединенной кооперации» до Оренбургского архиепископа Мефодия и пр.

На этом заседании была образована особая комиссия из представителей всех организаций, включая и президиум Государственного совещания, для обсуждения необходимых технических вопросов и предварительного согласования принципиальных решений по созданию центральной власти. В работу этой согласительной комиссии, в сущности, и вылилась вся работа Уфимского Государственного совещания.

Измор, начатый Сибирским правительством, несомненно охлаждавший порыв членов совещания вынужденным бездельем, почувствовался определенно. Из предосторожности сбор пленума на новое заседание пришлось предоставить президиуму, в зависимости от приезда сибиряков.

12 сентября состоялось третье заседание совещания. К этому заседанию прибыла наконец и делегация Сибирского правительства⁵ в составе: члена Административного совета профессора В.В. Сапожникова, члена правительства И.И. Серебренникова, вошедшего в состав президиума, вместо оставшегося в Омске И.А. Михайлова, и военного министра генерала Иванова-Ринова²⁹, сменившего «ушедшего» в отставку Гришина-Алмазова.

Началось это заседание двумя характерными выступлениями: председателя Национального совета чехословацких войск Павлу с ответом на приветствие, посланное совету Государственным совещанием, и председателя Комуча Вольского с проектом приветствия по поводу высадки союзных десантов в Приморье (Владивосток).

Оба они характерны для тогдашнего положения и настроений. Воспитанный поколениями, организаторский склад ума чеха Павлу подметил шатания еще не приступившего к работе совещания. Это не было выгодно для начавших уже «утомляться» чехов, и Павлу коротко и резко призывает совещание к оценке действительного положения.

«Мы, – говорит он, – равно, как и вы, чувствуем тяжесть момента, когда нам всем были даны уже два предостережения. Первое – прорывом севернее Уфы⁶, в действительности не ликвидированным, и второе – падением Казани. Господа, мы все должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьего предостережения».

Это произвело впечатление, но, конечно, ненадолго.

В выступлении Вольского характерна общая тогда всем приемлемость интервенции, расчет на ее спасительное действие и вера, что она пришла «не ради вмешательства во внутренние дела России, а исключительно во имя союзного договора, с целью содействия освобождению России от ига общего врага и восстановления Восточного фронта, как раз в момент превращения фронта внутренней борьбы во фронт борьбы внешней».

Еще характернее безоговорочная неприязнь к немцам, убежденность, что они руководят боевыми операциями большевиков.

«Там, – говорил Вольский, – где находится сейчас наш главный боевой фронт, совершенно ясно обозначилось, что этот фронт уже перестал быть фронтом внутренней Граждан-

⁵ В сущности, к этому времени из членов Сибирского правительства никого, за исключением мин. финансов И. Михайлова, в Омске не было. Вся политика и все распоряжения делались так называемым Административным советом Сибирского правительства, возглавляемым Михайловым, крайне враждебным Сибирской областной думе, опирающимся, главным образом, на торгово-промышленные круги Омска, реакционную часть казачества и военные организации. Таким образом, все, что говорится в нашем труде о Сибирском правительстве, в действительности относится к его Административному совету.

⁶ Прорыв красного отряда Блюхера.

ской войны, что этот фронт фактически уже становится фронтом немецким, и это обозначилось не только в силу того договора, который заключен большевиками с немцами, но и фактически в силу того, что войсковые силы большевиков пополняются действительными немецкими силами. Хотя там еще нет регулярных немецких армий, но действительная немецкая помощь, организующая армию, дающая человеческие силы, снаряжение, указания, командный состав – вполне обнаружена».

В остальном это заседание, затянувшееся до глубокой ночи, было посвящено заслушиванию деклараций и заявлений по существу организации власти.

Во всех этих декларациях – и ярких, и слабых, и кратких, и утомительно длинных – определенно выявлялись два основных настроения: сторонников народовластия и сторонников военной диктатуры. К первым относились: Самарский Комуч, партия социалистов-революционеров, правительства Башкирии, Туркестана, национальный совет тюрко-татар внутренней России, партия социал-демократических меньшевиков, представители съезда земств и городов. Что же касается военной диктатуры, то таковая в чистом виде, в виде требования абсолютиста-диктатора, не предлагалась никем. Жажда диктатуры, надежда на ее спасительное действие пока что только сквозила в определенных речах. Громко заявлять об этом еще не было нужды, а потому она в речах смягчалась обязательной коллегиальностью и легким налетом народовластия.

Гораздо резче, чем вопрос об источнике центральной Всероссийской власти, разделял присутствующих вопрос об ответственности или безответственности этой власти. Этот вопрос в связи с вопросом о личном составе правительства, в сущности, и сосредоточил на себе все внимание и остроту борьбы в согласительной комиссии.

Вопрос об ответственности будущего Всероссийского правительства неразрывно связан был с вопросом об отношении к Учредительному собранию старого созыва (1917 г.), фактически, к наличному составу съехавшихся в Уфу его членов, то есть к самарскому Комучу, как источнику власти.

Претензии самарского Комуча, как выразителя верховных прав Всероссийского Учредительного собрания, слишком отчетливо прозвучали в декларации, заявленной его председателем Вольским.

Предпослав обширное обоснование высказываемым положениям, Вольский заявил, что «верховная власть в России для устройства государства в тех условиях, в коих Россия теперь находится, *может принадлежать* только тому Учредительному собранию, *которое существует*»; далее, что «съезд членов Всероссийского Учредительного собрания, съезд, в состав которого могут входить все члены Учредительного собрания, появляющиеся на этой территории, должен быть тем органом, который *даст санкцию* той государственной власти, какая будет здесь образована».

И, наконец, формулируя характер ответственности создаваемой власти перед съездом членов Учредительного собрания (Комучем), он несколько смягчает характер этой ответственности: «ответственность мы здесь не выражаем в каких-либо определенно конституционных формах, указывая только самую общую форму, что съезд членов Учредительного собрания *может потребовать к своему рассмотрению*⁷ те или иные акты этого правительства».

Взгляд, выявленный Самарским Комучем и поддерживаемый частью представленных на Государственном совещании организаций, далеко не разделялся остальными представителями. Начиная с делегации Сибирского правительства, отношение к Учредительному собранию старого созыва было определенно отрицательное. Некоторую роль в этом отношении сыграли обстоятельства разгона этого собрания в знаменательный день 5 января 1918 года. Уж слишком как-то просто произошел факт разгона, и слишком пассивно отнеслись к производи-

⁷ Курсив везде наш. (Примеч. авт.)

тому над ними насилию и председатель Учредительного собрания, и наличные члены, заседавшие 5 января в зале Таврического дворца.

Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, исключительно партийный состав этого Учредительного собрания, огромное представительство от не существовавшего уже фронта, видимо, не внушали особого доверия даже представителям умеренной демократии, не говоря уже о буржуазии и правых группировках. Для них это был только «живой труп» – не больше.

Особенно определенно выразилось это отношение в заявлении представителя объединенного казачества: «Искони демократические, представленные на Государственном совещании Оренбургское, Уральское, Сибирское, Семиреченское, Астраханское, Иркутское и Енисейское казачьи войска, не признающие в своих областях иной власти, как власти народной, выраженной войсковыми кругами и органами, ими избираемыми, считают, что в государстве Российском вся власть должна принадлежать, как истинному выразителю воли народной, полноправному Всероссийскому Учредительному собранию нового созыва».

Отсюда и вывод, что создаваемая Всероссийская верховная власть действует: «в обстановке полной деловой самостоятельности и независимости и ответственности перед Всероссийским Учредительным собранием *нового созыва*».

Это несколько, видимо, не мешало уральскому и оренбургскому казачеству, вернее их правительствам, работать в тесном содружестве с самарским Комучем, от которого и через который оба они получали и денежные, и материальные средства. Заметим, кстати, что атаман Оренбургского войска А.И. Дутов³⁰ был сам не только членом Учредительного собрания, но и членом Комуча, которому, между прочим, будто бы был обязан и своим производством в генералы.

Наиболее откровенно в пользу диктатуры, и диктатуры единоличной, высказался представитель Конституционно-демократической партии, член ее ЦК Л.А. Кроль.

Он заявил, что в создавшихся условиях нужна «власть сильная, мощная, решительная».

«Комитет партии народной свободы, – сказал он, – считает, что наилучшей формой для осуществления такой власти было бы создание временной *единоличной* верховной власти».

«К великому несчастью для России, если наша революция выдвинула титанов разрушения, анархии и беспорядка, то, к сожалению, на фоне нашей революции не явилось ни одного человека, которому вся нация, вся страна могла бы доверить такую власть и на которого могла бы рассчитывать, что он доведет страну до Учредительного собрания. Поэтому приходится поневоле мириться с *менее совершенной* формой в виде Директории, но эту Директорию мы мыслим как верховную власть, действующую через посредство министров, ответственных перед этой верховной властью, причем эта Директория – эта верховная власть *ни перед кем не отвечает*, объем ее прав – вся полнота власти».

Это заявление было выслушано с глубоким удовлетворением затаившимися пока сторонниками диктатуры, и если они болтали еще что-то о народовластии, то только из приличия к моменту. По временной необходимости они помирились затем и на Директории, пока не нашелся человек, согласившийся быть диктатором, об отсутствии которого так сожалел кадетский представитель Кроль. Он откровенно наметил дорожку, приведшую к диктатуре Колчака.

Представительство Сибирского правительства высказалось кратко. Оно остерегалось делать те или иные определенные заявления, так как во Владивостоке еще не выяснился окончательно результат миссии Вологодского, не определился пока исход борьбы с Сибирской областной думой.

В зачитанной профессором Сапожниковым декларации указывалось, что, «имея конечную целью единую и нераздельную Великую Россию, Сибирское правительство мыслит ее создание *через устройство ее областей*, почему будущая верховная власть – Директория, ответственная только перед *будущим* полномочным органом *правильного* волеизъявления народа, объединяет в своих руках общегосударственные функции власти и *оставляет* руководство

отдельными отраслями государственной и хозяйственной жизни в пределах областей *за соответственными органами областных территориально-автономных правительств*».

В вопросе ответственности здесь такое же, как у казаков и кадетов, игнорирование правомочий Учредительного собрания старого созыва и тем более претензий Самарского Комуча. Так же как и у тех, допускается, как выход, Директория. Новым было открытое декларирование областнических тенденций, смягченное оговоркой, что, выдвигая это положение, Сибирское правительство отнюдь «не намерено противопоставлять интересы области и целого».

Остальные выступления не представляли ничего особенно существенного и в основных чертах поддерживали положения двух резко наметившихся течений: одно возглавлялось Самарским Комучем, другое – Сибирским правительством и казаками.

Впрочем, «Единство», народные социалисты, представители областного правительства Урала (Екатеринбург) и Эстонского правительства довольно туманно выдвигали необходимость ответственности создаваемой власти перед особым «Контрольным органом» или перед Государственным совещанием.

«Союз возрождения России», которому в значительной степени принадлежала инициатива созыва Государственного совещания, необходимость коего подтверждалась и создавшейся обстановкой, имел в своем составе представителей большинства собравшихся в Уфе партий и организаций, а посему довольно ясно отдавал себе отчет, насколько велико расхождение двух основных течений, выявившихся на совещании.

Расхождение это между Омском, не утратившим еще иллюзий на признание за ним прав центральной Всероссийской власти, и Самарой, претендующей на правомочия Всероссийского Учредительного собрания, как источника этой власти, – это именно обстоятельство в связи с рядом других менее важных причин, усиливавших враждебность этих двух правительств одного против другого, не давали основания надеяться, что объединение их произойдет легко и быстро.

Между тем обстановка требовала быстрых решений: советские войска усиливали нажим на Волжском фронте, чехи начинали сдавать, Народная армия слабела.

Положение Самарского Комуча было особенно тяжелым. Он находился под непосредственным угрожающим ударом красных. Его давило делающееся все более и более заметным усиление реакции.

Сразу, без попытки борьбы, хотя бы борьбы словесной, Комуч не мог уйти. Он кое-что сделал в борьбе против Советов. Ведь не кто иной, как составлявшая его группа членов Учредительного собрания, в минуты общей растерянности возглавила восстание чехов и офицерских организаций в районе Самары, и, при всей враждебности к Учредительному собранию старого созыва, все же надежды весьма многих тянулись к Самаре.

Достигнув победами над большевиками в районе Самары некоторого реванша за тяжкое унижение, пережитое членами Учредительного собрания во время разгона его 5 января, члены Комуча, естественно, стремились если не оживить окончательно, то хотя бы прилично похоронить себя, объявив перед самороспуском новые выборы в новое Учредительное собрание, чем не только сохранялась бы идея Учредительного собрания, но и не нарушалась бы крайне важная, по понятиям того времени, конституционная преемственность власти.

Как известно, бывший император Николай II отрекся от престола в пользу брата своего великого князя Михаила Александровича, а этот последний – в пользу Всероссийского Учредительного собрания.

Тогда еще не учитывали всей силы революционной грозы и вопросу конституционной преемственности придавали огромное значение.

В этих условиях возможны были только два решения: или счесть попытку объединения недостижимой и предоставить события их естественному ходу, то есть постепенному и неиз-

бежному разгрому в одиночку борющихся сил, или найти выход к возможно быстрому устранению особо острых, мешающих объединению противоречий.

«Союз возрождения России» встал на второй путь, на весьма зыбкий в период революции путь компромисса. Это была рискованная ставка. В основе ее лежало лишь соглашение верхов, но другого выхода не было – «Le vin est tiré il faut le boire»⁸.

Оформить это решение и декларировать его перед совещанием выпало на мою долю.

После предпосылки, что основными признаками конструкции будущей власти Союз полагает «возможно полное к ней доверие со стороны всех слоев населения России и возможно большую простоту и определенность ее сущности», в отношении наиболее острого вопроса об ответственности в заявленной мною декларации говорилось:

«Исходя из отмеченного признака общего доверия, власть эта отнюдь не должна быть стеснена в своих действиях каким-либо параллельно существующим контрольным аппаратом и, как власть, создаваемая на основании принципа народовластия, ответственна перед Всероссийским Учредительным собранием, в его законном составе собравшимся к определенному сроку».

Эта формулировка устраняла вопрос о контроле, весьма туманно выраженный его сторонниками, и давала выход в вопросе об ответственности перед Учредительным собранием – вместо двух неопределенных величин: «законный состав» и «срок» – всегда в процессе переговоров могли быть вставлены те конкретные понятия и величины, какие окажутся возможными в связи с учетом обстановки и соотношения борющихся сил, что в действительности потом и произошло.

Далее декларация отмечала:

«Ввиду огромной сложности задач в связи с исключительно тяжелым положением страны, а равно и в целях определенной гарантии от *единоличных* устремлений, власть эта создается в виде коллегии из 3–5 лиц, из коих одно должно быть военным лицом, через которого верховной властью и осуществляется высшее руководство и управление всеми вооруженными силами России».

И затем:

«При верховной коллегии, для управления делами ведомств, учреждается ответственный перед нею деловой кабинет с министрами, персонально избранными из лиц, известных своей плодотворной государственной деятельностью. Из числа министерств, образование коих будет признано необходимым, следующие министерства могут быть утверждены только как общегосударственные для всей территории России, а именно: военное, морское, иностранных дел, финансов, путей сообщения, снабжения и продовольствия армии и государственный контроль».

Содержание этих последних выдержек показывает многие из обнаружившихся противоречий, в том числе и претензии автономистов.

Таков был тот сложный и противоречивый материал, который был направлен в особую комиссию для согласования и установления необходимого для выбора власти объединения.

Этого добиться было нелегко: вся вражда и взаимное недоверие из большого зала пленума перенеслись сейчас же и в зал заседаний комиссии.

Здесь проще обстановка. Здесь можно было резче спорить, обиднее язвить. Здесь русский интеллигентский разговор многословный, полный добрых побуждений, красивых фраз, беспочвенных мечтаний, грозил временами обратиться в безнадежный, бесполезный спор.

Слово «народ» не сходило с уст ораторов, так разноречиво намечавших пути к его благополучию. А он, этот народ, как и несколько веков назад, молчаливый, загадочный, как сфинкс, работал на земле, с отвращением отрываясь от настоящего дела для борьбы то под георгиев-

⁸ Вино открыто – его надо выпить (*фр.*).

ской лентой или бело-зеленой кокардой, то под красной звездой, и начал уже уставать от бесконечной смены властей³¹.

14 сентября. Заседание согласительной комиссии⁹.

Председательствует Авксентьев. Докладчик по вопросу о контрольном органе – седой, еще бодрый мужчина, с чрезвычайно приятной манерой речи – известный исследователь, певец Алтая, профессор В.В. Сапожников³², видный общественный деятель Сибири. И его, служителя науки, революционный шквал увлек в пучину политических передраг.

С окончанием доклада мгновенно возникает схватка противоречивых мнений. Председатель гасит вспышку. Он находит достижение «некоторой согласованности».

«Контроль, висящий над властью, – это будет похоже на ЦИК, нужно или кончить и разойтись, или сговориться», – резко бросает упрямый, матерый казак – полковник Березовский.

На помощь председателю приходит энергичный, темпераментный, но склонный к соглашательству эсер Кругликов: «Мы не хотим, чтоб контроль висел над властью, мешая ей работать, мы согласны на компромисс».

Спор вокруг голой формулы контроля обостряется. Кадет Л.А. Кроль помогает выпутаться из тупика вопросом: «Есть ли у какой-нибудь фракции проект деятельности будущей власти, хотя бы в сыром виде?»

Авксентьев нервничает, передает мне председательствование и уходит.

Проект нашелся. Его зачитывает эсер Гендельман. Чтение разряжает острую напряженность. Проект предлагается от имени ЦК эсеровской партии Уфимскому Государственному совещанию и содержит основные принципы платформы деятельности Всероссийского правительства.

«Стоит ли опутывать правительство программами, которые невыполнимы и в мирное время? Сейчас война, и только о войне нужно думать», – не унимается упрямый Березовский.

Проект эсеров зачитывается по отделам и передается в малую комиссию.

Заседание закрывается. Общий вздох облегчения.

Таковой примерно была атмосфера, в которой приходилось работать комиссии.

Временами, для нажима на строптивых, появлялся кто-нибудь из посторонних для «внеочередного заявления». Особенно часто таким пугалом «выпускался» казаками небезызвестный атаман Дутов, бывший тогда в большой моде. Он появился в Уфе с отлично подобранным и прекрасно снаряженным казачьим конвоем. Производил впечатление, подавал кое-кому надежды и пугал комиссию тяжелым положением фронта. Умело обрисовывался в прессе, чему особенно помогали заметки советских газет и листовок, рисовавших атамана гораздо более страшным, чем он был на самом деле.

К Дутову примыкала и часть академического состава бывшей Академии Генштаба, пленной белыми в Казани, во главе с весьма честолюбивым генералом Андогским.

Шептался собиравшийся поблизости кружок таинственного полковника Лебедева, являвшегося, по имевшимся при нем документам, посланцем юга, от генерала Алексеева.

Будировал заканчивавший свои заседания торгово-промышленный съезд. Его постановления открыто декларировали диктатуру и сводили на нет все революционные завоевания.

⁹ Присутствует президиум Государственного совещания: Н.Д. Авксентьев и секретари: Б.Н. Моисеенко и Н.В. Мурашев, члены комиссии: Чокаев, Букейхан, Роговский, Березовский, Шуваев, Кругликов, Марков, Болдырев, Кроль, Войтов, Анисимов, Астахов, Шендриков, Михеев, Пеженский, Каэнос, Мамлеев, Фомин, Зензинов, Гендельман, Сапожников, Кибрик и Залидов.

Бывший Уфимский архиепископ Андрей (князь Ухтомский) в своих «посланиях» к виднейшим членам совещания указывал на значение церкви в деле государственного строительства.

Начинала кампанию правая пресса во главе с Белоруссовым³³.

На фронте дела становились все хуже и хуже.

Вся эта атмосфера сплетен, интриг, а порой и совершенно недвусмысленных угроз, особенно по адресу ненавистных социалистов, несомненно, не оставалась без влияния на ход работ согласительной комиссии. Она нервничала и путалась в противоречиях.

После ряда горячих схваток и острых противоречий, неоднократно грозивших разрывом, наиболее сложный вопрос об ответственности власти все же сдвинулся с мертвой точки. Всю тяжесть ударов в комиссии выдерживал, главным образом, эсер Гендельман, спокойный, вдумчивый, недурной диалектик. Непрерывную атаку вел маленький, все время заряжавший свою трубку, кадет Л.А. Кроль. Остроумный и едкий, он много крови испортил сидевшему против него Гендельману.

Казачи во главе с Березовским были ударной группой правого крыла.

Сибирь упрямылась или уступала в зависимости от того, насколько разъярялась погода или скоплялись тучи на омском горизонте.

Положение Самарского Комуча было особенно тяжелым. У него были весьма сложные внутренние расхождения. Общая обстановка, в связи с ухудшением дел на фронте, заставляла его или уходить из игры, или уступать. Левое крыло Комуча считало всякие уступки гибельными, указывало на реакционность кадетов и правых группировок совещания, но в конце концов в силу партийной дисциплины и левое крыло, за исключением непримиримых Коган-Бернштейна и Чайкина, пошло за умеренным большинством, руководимым Авксентьевым, Зензиновым, Роговским и Гендельманом.

Не все гладко было у Комуча и в отношениях с своим командованием в армии. Военный министр генерал Галкин в не особенно почтительной форме требовал уступчивости. Гарнизон Уфы, особенно офицеры, открыто тянули в сторону Сибири и даже переменили георгиевскую ленту Комуча на бело-зеленые цвета Сибири.

В свою очередь, падение Симбирска значительно понизило тон и сделало более стоворчивыми и противную сторону: сибиряков, кадетов и казаков. Особенно заволновались уральские и оренбургские казаки. Они, как и все вообще участники совещания, достаточно ясно сознали наконец, что дерущаяся одиноко Народная (Самарская) армия легко могла сделаться жертвой большевистского натиска. Это чувствовалось уже достаточно определенно.

Вслед за ней, при разрозненных действиях, такая же судьба могла постичь уральское и оренбургское казачьи войска, а затем Урал и Сибирь.

Поведение чехов не рассеивало этих опасений. Союзники не показывались.

При таких условиях Самарскому Комучу пришлось значительно уступить. Состоявшимся соглашением правомочия Учредительного собрания старого созыва значительно ограничивались.

Избираемая власть должна была быть *безответственной* в первый, наиболее тяжелый период ее работ – до 1 января 1919 года, когда должно последовать открытие Учредительного собрания, причем открытие это могло состояться лишь при наличии законного кворума в числе не менее 201 члена (общее число членов Учредительного собрания, за исключением большевиков и левых эсеров, определялось в 400 человек).

В случае, если бы указанный кворум не мог собраться к 1 января, Учредительное собрание открывается 1 февраля при кворуме не менее $\frac{1}{3}$ членов.

В акте об образовании Всероссийской власти, опубликованном по окончании Уфимского Государственного совещания, было указано:

«Временное Всероссийское правительство, впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания, является единственным носителем верховной власти на всем пространстве государства Российского».

Вопросы о сроке созыва Учредительного собрания и о кворуме вошли в особый акт – «Постановление съезда членов Всероссийского Учредительного собрания от 13 сентября 1918 года»³⁴.

Трудно сказать, имели ли эсеры, представлявшие Учредительное собрание, коварный замысел, как это утверждали их политические противники, пойдя на компромисс, поглотить сначала Сибирское правительство, а затем, победив большевиков, продиктовать свою волю русскому народу.

Замысел этот, как показали последующие события, по крайней мере в отношении Сибири, имело и осуществило Сибирское правительство, но и оно, назвавшись после переворота 18 ноября Всероссийским правительством, при всех исключительно благоприятных условиях почти за год своей деятельности (период Колчака), имеет в своем активе чрезвычайно мало данных, оправдывающих его преступное легкомыслие и совершенный им переворот.

Тем более представляются сомнительными честолюбивые стремления тех 200 членов Учредительного собрания, наличность которых требовалась установленным кворумом. Думаю, эсеры шли на соглашение гораздо искреннее, нежели их вынужденные союзники по созданию власти³⁵.

Вопрос о составе власти хотя и не казался столь острым, тем не менее и около него происходили горячие схватки.

Дело в том, что партия кадетов и более правые организации видели спасение в единоличной власти. Им казалось, что только диктатура может рассеять создавшийся хаос и что только она одна приведет мощной и властной рукой страну к закону и порядку.

Эту надежду вполне разделяли и военные группировки, по крайней мере, большая часть офицерского состава.

Представители демократических течений, соблюдая принципы народоправства, отстаивали всегда коллективный орган, нечто вроде Директории из трех – пяти лиц, правильно учитывая сложившуюся тогда психологию масс, их обостренное недоверие и желание возможно более широкого представительства их интересов в составе всякой власти.

Мне всегда казалось, что гораздо легче подыскать пять толковых лиц, нежели трех исключительно талантливых, и безнадежно трудно найти одно лицо, которое могло бы быть действительным диктатором по существу, а не только по титулу.

Упускалось из виду, что настоящих диктаторов не выбирают; они выдвигаются той силой, на которую опираются, будь это замороженная победами армия или сильная политическая партия, увлеченная смелостью и яркостью проповедуемой ими идеи.

Диктатор управляет силой своего вдохновения и авторитета, а не преподанной ему конституцией, составленной случайными его избирателями. Конституции появляются потом, когда энтузиазм сменяется более спокойной деловой работой.

И действительно, установить кандидатуру на диктаторские полномочия оказалось чрезвычайно трудно.

Весьма популярный тогда для многих враждебных Советам группировок генерал Корнилов к этому времени погиб в борьбе с красными. Другой не менее известный вождь, генерал Алексеев, был слишком скромн, слишком буднично трудолюбив для такой бурной эпохи. Измученный непосильной работой среди чуждой для него придворной, полной интриг атмосферы за время службы его начальником штаба при царе, подавленный военными неудачами и окончательно потрясенный развалом старой армии, генерал Алексеев был к тому же стар и сильно недомогал.

Оба этих человека при значительных их заслугах и популярности все же, говоря по справедливости, видимо, не обладали достаточным авторитетом, чтобы увлечь за собой народные массы и остатки старой армии и оторвать их от чар большевизма.

Корнилов, безгранично храбрый солдат, но неудачливый политик, имел возможность проверить свое влияние за время, когда он был главнокомандующим в Петрограде, сейчас же после Февральской революции, и впоследствии во время его августовского похода на Петроград. В обоих случаях он быстро остался одиноким, если не считать части преданного ему офицерства и платонического сочувствия тех классов населения, которые в острый, кровавый период революции меньше всего нужны вождю.

Корнилов, Алексеев, а затем и Деникин положили немало усилий и энергии на создание на юге России так называемой Добровольческой армии, но и армия эта быстро и широко не обрастала народным телом и, по крайней мере при жизни двух первых из своих вождей, не смогла силой оружия установить их власть в стране. Не случилось этого и при единоличном управлении армией генералом Деникиным.

Тем не менее имена Алексеева, Деникина и Колчака, сделавшегося особенно популярным после шумихи с брошенным в Черное море кортиком³⁶, выдвигались правыми группировками на заседаниях согласительной комиссии Уфимского Государственного совещания.

Однако кандидатуры эти даже в состав Директории, на которой помирились все, встретили самый резкий протест со стороны представителей Комуча и поддерживавших его партий и группировок³⁷. Да и нереальны были эти кандидатуры, находясь за тысячи верст от Омска, причем на приезд их в Сибирь, за исключением Колчака, бывшего на Дальнем Востоке, нельзя было в тех условиях и рассчитывать. Эта нереальность осталась, впрочем, и в отношении других избранных затем кандидатов.

В состав правительства в Директорию решено было избрать пять лиц, таковыми оказались: Н.Д. Авксентьев, Н.И. Астров³⁸, В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский и Н.В. Чайковский.

Избранный комиссией состав Директории представлялся умеренно демократическим. Даже ее левое крыло – Чайковский и Авксентьев – являлись весьма умеренными социалистами.

Чайковский и Астров были пока далеко, на скорое их участие в работе Директории рассчитывать было нельзя. И если замена Астрова выбранным его заместителем, В.А. Виноградовым³⁹, видным кадетом, не возбуждала особых тревог у создавшейся уже оппозиции Директории, В.М. Зензинов же, избранный заместителем Чайковского, при всем его горячем стремлении к общей дружной работе на пользу возрождения родины, как видный член ЦК партии социалистов-революционеров, многими кругами был встречен с открытой враждебностью.

Отсутствовавшего Вологодского временно заменял член Административного совета Сибирского правительства профессор В.В. Сапожников. Заместителями Н.Д. Авксентьева и В.Г. Болдырева были избраны: А.А. Аргунов и генерал М.В. Алексеев.

Н.В. Чайковский и Н.И. Астров были резкими противниками старого Учредительного собрания, а последний, кроме того, и горячим приверженцем единоличной диктатуры.

В связи с этим в местных кадетских и торгово-промышленных кругах, а равно и среди других близких им по политическим симпатиям лиц, уже явно оппозиционно настроенных как к самой Директории, так и к ее конституции, выражались сомнения относительно приезда в Сибирь отсутствовавших Чайковского и Астрова.

И действительно, Чайковский застрял в Архангельске, где председательствовал в местном правительстве, а Астров, увлеченный настроениями юга России, отрекся от Директории, забыв, что когда-то давал согласие на свою кандидатуру.

Не удовлетворило многих и включение комиссией в конституцию временной Всероссийской власти пункта, к слову сказать весьма туманного, о некоторых обязательствах этой вла-

сти к съезду членов Учредительного собрания, «функционирующему как государственно-правовой орган в его самостоятельной работе по обеспечению приезда членов Учредительного собрания и по устройению и подготовке возобновления занятий Учредительного собрания настоящего созыва».

Это чувствовалось прежде всего и больше всего в отношении Сибирского правительства, то есть, вернее, в отношении его Административного совета, фактического хозяина положения, и примыкавших к нему кругов.

Пойдя на соглашение под давлением исключительно грозных обстоятельств и на фронте и внутри страны, круги эти затаили недовольство и ждали первого удобного случая, чтобы выдвинуть вновь оба этих вопроса как лозунг для похода против только что народившейся при их участии Всероссийской власти.

Сентябрьские события в Омске

Чтобы развязать себе руки, Административный совет повел штурм прежде всего против своего же Сибирского правительства, порожденного Сибирской областной думой, чтобы этим самым избавиться от ненавистной ему опеки и вмешательства самой думы.

21 сентября я имел переданное мне чехами секретное донесение от их омского уполномоченного Рихтера следующего содержания¹⁰:

«Сегодня утром в три часа дня приехали в Омск Крутовский, Шатилов и Новоселов⁴⁰ и председатель Областной думы Якушев. Три офицера грубо их пригласили следовать за ними, и с тех пор все 4 неизвестны. Сегодня ночью должен заседать Административный совет, который решил распустить или разогнать Областную думу.

Эти сведения я имею от личного секретаря Якушева и коменданта думского здания, которые являются свидетелями утреннего происшествия. Эти сведения приводятся в связи с именем министра Михайлова, председательствующего в вышеупомянутом совещании. Присутствие трех вышеупомянутых министров лишало Административный совет, состоящий из управляющих министерствами, всякого правомочия, и поэтому, вероятно, они были устранены. Кажется, что Михайлов задумывает переворот. Сегодня издал распоряжение, согласно которому никто без его разрешения не может говорить по прямому проводу».

События, изложенные в только что приведенном донесении, могли быть вызваны следующими соображениями. С приездом в Омск трех упомянутых лиц – Крутовского, Шатилова и Новоселова – получался обычный кворум для законодательной работы Сибирского правительства. При наличии же кворума в правительстве Административный совет этого правительства, возглавляемый министром финансов Михайловым, лишался права издания законов, то есть права фактического управления Сибирью. Надо было этот кворум разрушить, а для этого «устранить» прибывших министров, что Михайловым и было проделано.

Новое донесение подчеркивало нерешительность председателя думы Якушева и стремление Крутовского уладить все миром, а также и то, что оба они, и Крутовский и Якушев, все же «все надежды возлагают на нас», то есть на чехов.

«По-моему, следует Михайлова арестовать и обо всем опубликовать в газетах и таким образом его в моральном отношении уничтожить» – так заканчивает председатель чехосовета Павлу свое сообщение в Уфу находившейся там делегации этого совета.

Доверительная передача столь важных сведений, а затем и поставленный мне чехами в упор вопрос: следует ли немедленно арестовать Михайлова, ставили меня в крайне затруднительное положение.

Я был пока просто членом совещания, хотя и бесспорным уже кандидатом не только в члены Директории, но и на пост Верховного главнокомандующего.

Я весьма смутно представлял себе обстановку Омска. Очень мало знал об областной Сибирской думе. Те отрывочные сведения, которые мне приходилось слышать, были далеко не в ее пользу. Кроме того, я был в значительной степени поглощен подготовительными работами по объединению фронта. Я был озабочен необходимостью подчинения чехов будущему русскому Верховному главнокомандованию и не хотел сразу становиться в зависимое от них положение.

Я знал, что у обеих борющихся сторон каждый мой шаг был на учете и всякое неосторожное с моей стороны решение могло иметь ряд самых нежелательных последствий.

В силу этих причин я отнесся и к сообщенным мне сведениям, и к поставленному в упор вопросу весьма осторожно, приняв их лишь за информационный материал. Это вызывалось

¹⁰ Сокращается редакция подлинника.

до некоторой степени и новым срочным сообщением Рихтера, что будто бы у арестованных по приказу Михайлова лиц «нашли документы, свидетельствующие об их попытке какого-то переворота налево» и что «настоящий военный министр Иванов в этом не замешан».

Последнее сообщение заставило меня придать вес и заявлениям, сделанным мне самим Ивановым-Риновым, которого я спросил о происходящем в Омске и который заверил меня, что им отдан приказ начальнику гарнизона Омска о ликвидации этой авантюры и что вопрос там будет безболезненно улажен.

Образование Директории

10/23 сентября 1918 года на торжественном общем собрании Уфимского Государственного совещания, при огромном стечении публики, было объявлено об избрании Всероссийской власти в лице упомянутых выше пяти членов. Заявление это было бурно встречено переполненным залом.

Акт¹¹ об образовании Всероссийской верховной власти был зачитан председательствовавшим на этом заседании Е.Ф. Роговским.

Церемония подписи этого акта, присяга членов правительства⁴¹ – все это было новым для присутствовавших на торжестве, волновало их, рождало горячую веру в быстрое восстановление потрясенной Родины.

Тогда еще были надежды и недостаточная оценка того, что творилось в Москве, в другой, новой России.

У членов правительства это торжественное настроение быстро было нарушено суровой будничной действительностью.

Едва окончилось заседание, как было получено весьма тревожное донесение из Омска. То, что до сих пор было известно неофициально от чехов, теперь являлось официальным донесением новой власти, которая должна была принять то или иное решение.

Донесение подтверждало факт ареста Крутовского и Шатилова, которые были вынуждены под угрозой расстрела подать прошения об отставке, после чего их, совместно с председателем Сибирской областной думы Якушевым, арестованным одновременно с ними, выпустили на свободу с обязательством в течение суток оставить Омск. Отставка их принята Административным советом временно, до приезда Вологодского или Серебренникова. Далее сообщалось, что Новоселов⁴² убит неизвестными в военной форме, будто бы при попытке бежать.

Областная дума постановила временно, до прибытия ответственных министров (Вологодского и Серебренникова), взять власть в свои руки.

Чехи, по инициативе некоторых демократических групп, арестовали начальника Омского гарнизона полковника Волкова. Министр Михайлов, предполагавшийся руководителем события, скрылся, квартира его оцеплена.

В городе спокойствие.

Это был первый пробный камень для Директории. Ликвидация задуманной в Омске и неудавшейся только благодаря вмешательству чехов авантюры перекладывалась на ее плечи.

У Директории не было реальной силы в Омске. Быстрая и короткая расправа с переворотчиками могла быть выполнена только через чехов. Их батальона оказалось достаточно, чтобы арестовать начальника гарнизона полковника Волкова⁴³ и заставить скрыться подозреваемого главу переворота Михайлова.

Очень смелые с безоружными министрами анненковцы и красильниковцы⁴⁴ – реальная сила Омска – и пальцем не шевельнули в защиту их начальника Волкова и покровителя – министра Михайлова.

Но закреплять первые шаги Всероссийской власти штыками чехов Директория не считала возможным⁴⁵.

Лично мне не было ясно, что произошло в Омске. Надо было в этом разобраться, но прежде всего следовало восстановить права потерпевших и путем строжайшего следствия обнаружить виновных.

¹¹ Полный текст этого акта см. в Приложении № 1.

В составе Директории был человек, который, несомненно, лучше других понимал, что происходит в Омске; это был В.В. Сапожников, заместитель отсутствовавшего Вологодского, но он – старый сибиряк и... член Административного совета.

Глубокой ночью, с сознанием внезапно навалившейся тяжелой ответственности, в обстановке так резко обнаружившихся противоречий, Директория вынесла свое первое постановление:

«1) Признавая непререкаемые права Сибирской областной думы, как временного органа, представляющего в пределах, установленных положением о временных органах управления Сибири, интересы сибирского населения, но имея в виду невозможность при создавшихся условиях нормальной деятельности Областной думы – отсрочить ее занятия впредь до создания таковых. 2) Отставку членов Временного Сибирского правительства И.В. Шатилова и В.М. Крутовского считать *недействительной* и призвать всех наличных членов означенного правительства⁴⁶ к спокойному выполнению своих обязанностей, ввиду крайней необходимости непрерывной работы в столь тягостное для России время. 3) Предоставить Уполномоченному Вр. Всероссийского правительства гражданину А.А. Аргунову⁴⁷ чрезвычайные права в деле выяснения виновности тех или иных лиц в имевших место событиях и 4) призвать все население Сибири к полному спокойствию и уверенности в том, что интересы, права и законности Временным правительством будут охранены в полной мере».

Решение это, при всей осторожности его, было к тому же и слишком мягким в условиях того времени.

Стороны расценили его так, как и должны были расценить. Дума прерывала свои действия, не получив реванша за нанесенные ей Омском удары; естественно, это не вызвало в ней особо нежных чувств к Директории. Омск торжествовал, он временно, за счет Директории, покончил с думой, остался почти безнаказанным, так как следственная комиссия, попавшая в омут омских интриг, среди поддержки виновников преступления своими людьми, явно обрекалась на пустую формальность.

Это было некоторым утешением для Омска, ввиду выяснившегося провала миссии Вологодского и отказа в признании союзниками.

Чехи, со своей стороны, конечно, вполне ясно увидели в этом решении определенный намек, что их вмешательство в наши внутренние дела совершенно не одобряется Директорией.

Во всяком случае, маневр, проделанный Омском, был чувствительным ударом по Директории – это надо было учесть, как первое серьезное предостережение.

Вечерний горячий призыв к единению рассеялся в предрассветном тумане. Вражда и рознь открыто ползли из всех щелей.

Так начинался первый день Временного Всероссийского правительства – Директории.

Первые шаги Директории. Назначение Верховного главнокомандующего. Положение на фронте

Первые шаги Директории были чрезвычайно трудны. У нее не было ни делового аппарата, ни надежной вооруженной силы. Она ютилась пока в той же «Большой Сибирской гостинице», в городе, густо насыщенном враждебностью и интригами.

Весьма слабой была даже внешняя спайка между ее составом, в котором, в сущности, были только два настоящих члена – Авксентьев и я; остальные являлись заместителями.

Из всей заседавшей в первый раз пятерки я лично довольно хорошо познакомился только с Н.Д. Авксентьевым, раз или два случайно видел В.М. Зензинова, никогда раньше не встречал В.А. Виноградова и только на заседаниях согласительной комиссии раза два-три обмолвился несколькими словами с В.В. Сапожниковым.

Мы были объединены несомненным, общим для всех нас, желанием добра своей стране и народу, связаны созданной для нас конституцией, на верность которой мы дали торжественную клятву.

В сущности же мы являлись представителями и адвокатами пославших нас группировок, глубоко разноречивых и даже враждебных в своих политических и социальных устремлениях, при которых было трудно образовать определенное и твердое большинство даже в нашей пятерке.

Предрешался нудный, изматывающий, медлительный сговор. Для окончательного решения два голоса – Авксентьева и Зензинова – всегда нуждались в поддержке моей или Виноградова. В.В. Сапожников, как член Административного совета, волей-неволей принужден был считаться с указаниями Омска.

Среди нормальных условий любой конституционной страны, в которой налаженный годами деловой аппарат не очень тормозится трениями верхов, положение, конечно, не было бы особенно угрожающим. Но в пылающей в революционном пожаре России, среди хаоса и разрушений разрастающейся Гражданской войны, положение Директории было безгранично трудным.

Наиболее слабым местом Директории была ее оторванность от широких масс. Она была порождением интеллигенции, декларировала общие красивые принципы и оперировала немymi отвлеченными лозунгами: «Родина», «народ» – и ничем не соприкасалась с живой жизнью. Она оставалась в стороне от подлинного крестьянина, рабочего, даже мелкого ремесленника, в стороне от тех жгучих, мучительно близких для них вопросов, так глубоко затронутых по ту сторону фронта Гражданской войны.

Директория должна была звать к общему объединению, порядку, жертвам, к продолжению ненавистной и непонятной борьбы на внешнем фронте.

Группировки, создававшие Директорию, продолжали свои интеллигентские споры, враждовали, интриговали, создавали обстановку, в которой каждый честолюбивый министр, как это мы видели в Омске, безнаказанно творил свою политику, маленькие атаманы чинили суд и расправу, пороли, жгли, облагали население поборами за свой личный страх, оставаясь безнаказанными.

Они были нужны – эти современные ландскнехты, они были готовой для найма реальной силой, им особенно покровительствовали в чисто мексиканской атмосфере Омска.

Директория пока была бессильна защитить от них население. Они прекрасно сознавали это и своими действиями безнаказанно топили ее престиж в широких массах, разбуженных революцией.

В этих условиях естественным стремлением Директории было оформление своих отношений ко всем имевшимся тогда вооруженным силам. Их надо было объединить и подчинить

своей власти. Объединенное руководство требовалось и общим положением фронта, становившимся с каждым днем все более и более угрожающим.

На первом же заседании Н.Д. Авксентьев был избран временным председателем Временного Всероссийского правительства, как официально именовалась Директория. Управление делами было поручено А.Н. Кругликову, одинаково приемлемому всеми членами Директории, с которыми у него установились одинаково добрые отношения. Эсер по партийной принадлежности, Кругликов тем не менее деловые вопросы всегда ставил выше программных. В нем делец преобладал над политиком.

Мне было вручено верховное главнокомандование всеми российскими вооруженными силами – задача по тем временам крайне сложная.

Вооруженные силы, находившиеся тогда к востоку от Волги, состояли из слабой по боевому составу, в массе своей демократически настроенной Народной армии, групп оренбургского и уральского казачьих войск, башкирских частей и Сибирской армии и чехов.

Везде были свои главнокомандующие, командующие фронтами, армиями, огромные штабы и вообще организационные излишества старой царской армии, без достаточных материальных и боевых средств, с далеко не одинаковой идеологией, а кое-где и с открытой взаимной враждой (волжане и сибиряки).

Чехи, фактически руководившие боевыми операциями на Волжском фронте, считались уже иностранной армией и в сущности были реальным проявлением интервенции, как и отряды из бывших военнопленных других национальностей – сербов, поляков, итальянцев, румын и проч., разбросанных по различным пунктам вдоль Сибирской железнодорожной магистрали.

Все эти иноземные отряды, во главе с чехословаками, пользовались особым покровительством Франции и руководились имевшимся в Сибири военным представительством этой страны.

Наиболее организованную силу представляли чехословаки, командное руководство которыми было сосредоточено в руках генерала Сырового, политическое – у особого национального совета во главе с Богданом Павлу.

Фактически чехи являлись хозяевами положения и в Сибири, и на Волге. Широко снабжаемые союзниками во главе с Францией, они, как и другие иноземные отряды, вместе с тем широко пользовались и местными средствами. Население страдало от поборов и насилий. В нем накоплялась злоба против чужеземцев-насильников.

Взаимоотношения всех этих вооруженных сил, и русских и иноземных, также оставляли желать лучшего. Сибирская армия, в лице ее штаба, была крайне враждебна чехам, находившимся в достаточно добрых отношениях с Народной армией, а эта последняя еле терпелась сибиряками.

Казачи, в лице их общего руководителя Дутова, по симпатиям склонялись к более реакционным группировкам Сибири, по материальной же зависимости и боевому фронту примыкали к Народной армии.

Были уже и независимые военные организации – атаманщина, в Сибири – красильниковцы и анненковцы, с лозунгами: «С нами Бог и атаман», с явно монархическим уклоном и претензиями буйной вольницы.

В отношении Дальнего Востока сведения были весьма смутные, там только еще начиналась карьера атаманов Семенова⁴⁸, Калмыкова⁴⁹ и др.

Атаманы эти пока были еще скромны, и, по крайней мере, Забайкалье, как это выяснилось потом, выказывало все признаки подчинения если не Директории, то во всяком случае ее Верховному главнокомандованию.

В действительности, конечно, события на Дальнем Востоке текли своим особым порядком, завися в гораздо большей степени от интервентов, чем от той или иной русской власти.

Наибольшим осложнением в вопросе объединения вооруженных сил было подчинение чехов русскому Верховному главнокомандованию. Я уже имел случай отметить, что вопросу этому мною было уделено специальное внимание еще во время Уфимского совещания. Почва была достаточно подготовлена. Командовавший чехословацкими войсками генерал Сыровый ждал лишь приезда председателя национального совета Богдана Павлу.

Решительное совещание по этому поводу состоялось в моей квартире, в присутствии прибывшего в Уфу генерала Дитерихса.

Раньше я не встречался с Дитерихсом. Я знал, что он командовал русскими войсками, переброшенными на Солоникский фронт, для содействия союзникам, во время мировой войны. Прибытию его в Уфу предшествовали слухи о его больших связях с французами и о возможности его кандидатуры на высшее командное положение в Сибири.

Дитерихс перед этим руководил чешскими войсками при ликвидации большевиков в Приморье, а потому пользовался известным значением и среди чешского командования, находившегося на Урале и в Западной Сибири.

Директория твердо стала на точку зрения абсолютной недопустимости возглавления русских войск иноземцами или даже русскими генералами, являвшимися ставленниками союзников.

Я предлагал Дитерихсу принять то или иное участие в работе. Он отказался, заявив, что не хотел бы отрываться от чехов.

За время нашего совещания Дитерихс усиленно подчеркивал свою близость к чехам. Подчеркивание это было настолько ярким, что вызвало даже мой невольный вопрос: считает ли он себя русским генералом, – на что Дитерихс ответил: «Я прежде всего чешский доброволец». На это указывала и чешская нашивка на его рукаве.

Вопрос о подчинении был улажен. Генерал Сыровый, подчиняясь русскому Верховному главнокомандованию, сохранял за собой руководство чешскими и русскими войсками в центре и на правом фланге общего фронта (Волжская и Екатеринбургская группы). Все казачьи войска, составлявшие левое крыло, объединявшиеся общим командованием атамана Дутова, находились в непосредственном подчинении Главковерха. В таком же подчинении были Семиреченская группа и Сибирская армия, находившаяся пока в тылу. Генерал Дитерихс согласился принять должность начальника штаба у Сырового.

По тем временам это была большая победа. Подчинение чехов состоялось без особых соглашений с французами. Их военный представитель, обиженный тем, что не был приглашен на совещание, заявил, что чехи – в их подчинении. Это, конечно, не изменило принятого решения.

Отмеченная схема командования фронтом, естественно, потребовала ряда коренных изменений и, прежде всего, смещения целого ряда лиц с занятых ими революционным порядком высоких постов главнокомандующих, командующих фронтами, армиями, упразднения целого ряда учреждений с громкими наименованиями главных, генеральных и других штабов.

Если в первичный период борьбы был целесообразен всякий смелый порыв, действующий за свой личный страх и достигающий им самим намеченные цели, то теперь, с созданием единой центральной власти, надо было собрать, объединить все эти разрозненные усилия и направить их энергию уже для достижения задач, поставленных верховной властью.

О том, насколько велики были организационные увлечения в одной Народной армии, говорит следующий факт:

Представлявшийся мне молодой капитан доложил, что он является начальником одного из главных управлений армии. «Какой же у вас штат?» – поинтересовался я. «Шестьдесят семь человек». – «А имущество?» – «Да никакого почти», – последовал ответ. «Вот и отлично: вы с двумя дельными помощниками останетесь хранителями вашего имущества и будете ядром будущего формирования; остальных всех – в строй».

В связи с начавшимися неудачами на фронте оказалось много начальников и отрядных штабов без войск. Все они жаждали назначений. Многих тянуло в тыл, отдохнуть от передышек и лишений фронта.

Приходилось все чаще и чаще подмечать среди старого офицерства воспитанную поколениями склонность и укоренившуюся привычку служить лицу, а не идее. Исчезла «служба государю» – образовалась пустота. Служение «народу» звучало хорошо, но не было привычным.

Генерал в составе штатской Директории, да еще с социалистами, тоже вселял некоторое смущение.

Кое-кто искренне думал, что это только так, на время, а потом...

Были предложения по созданию «надежнейшей» части, которая была бы в непосредственном распоряжении Главковерха.

Жажда диктатора, и непременно диктатора военного, росла все шире и шире. Пример юга, где властвовал Деникин, казался весьма многим идеалом. Эти настроения поддерживались и тем беженским элементом, среди которого вращалось не занятое борьбой на фронте офицерство и который довольно обильно просачивался за Урал и, как в будущей цитадели, осел потом в столице Западной Сибири – Омске.

При таком идейном разброде, при значительной утрате общей дисциплины удовлетворить всех не представлялось возможным. Явились, конечно, недовольные, не понимавшие или не желавшие учесть необходимость столь крутой ломки. Одним казалось, что новое главнокомандование забирает вправо, другие видели крупные уступки Учредилке и социалистам. Недовольным широко открывались двери в омские группировки, оппозиционно настроенные к Директории.

Так, одна из очень активных групп, руководимая весьма энергичным капитаном Степановым, имя которого было связано с захватом Казани и затем поражением под ней, была чрезвычайно обижена отказом от предложенных ею услуг. Приказание отправиться в один из тыловых городов для переформирования и немедленного затем возвращения на фронт было принято как обида. Группа эта, оказавшаяся затем в Сибири, после падения Директории, когда я возвращался из Челябинска в Омск, добровольно явилась в распоряжение Колчака для борьбы со мной.

Чрезвычайно сложным оказался вопрос и с формированием моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было.

При существовавшей вражде между Народной и Сибирской армиями брать людей из их состава – это значило бы только еще больше усилить их рознь. Нужны были нейтральные работники.

Пришлось остановиться на небольшой группе молодежи, главным образом из состава бывшей Академии Генерального штаба. Но и здесь было «но» – академия только что была пленена в Казани; до этого времени она работала с Красной армией и расценивалась «большевистской»⁵⁰. Особенной нетерпимостью в отношении академии был одержим штаб Сибирской армии, грозивший расстрелом «ученых большевиков». Начальнику академии генералу Андогскому, энергичному дельцу и недурному организатору, пришлось долго «каяться», чтобы очистить себе дорогу к положению, которое он занял потом в Омске.

Вскоре в Уфу прибыл прорвавшийся через фронт генерал Розанов. Я знал его по мировой войне как весьма дельного и решительного строевого начальника. Политическая его физиономия была мне почти неизвестна; говорили, что он оказался слишком черным даже для «Национального центра».

Розанов был начитан, хорошо владел языками; я знал о его склонности к «вековым устоям», но не допускал совершенно, чтобы он мог сделаться тем Розановым, которым он оказался в бытность его в Красноярске, а затем и на Дальнем Востоке.

Выбирать было не из кого и некогда. Розанов был назначен начальником моего штаба. Мне передавали неудовольствие Комуча – кажется, даже пришлось поговорить по этому поводу, если не ошибаюсь, с В.К. Вольским, – но решение осталось неизменным.

Положение на фронте было весьма сложно. Красная армия, видимо, реорганизовалась. Это стало заметным и в области высшего управления, и в области тактики. Меня особенно поразили донесения о боях, происходивших в районе Вольска и на сызрано-самарском направлении.

Красные широко и умело начали применять тактический охват, обламывали крылья противника и угрозой обхода вынуждали к спешному и беспорядочному отходу. Положение Самары делалось чрезвычайно тревожным.

Слухи о немецком руководстве крепили все более и более. Во всяком случае, чувствовалось, что вожди-любители получили значительную прослойку толкового и опытного руководства.

В общем, нажим красных особенно энергично обнаруживался в четырех главных направлениях: а) Саратов – Уральск, б) Сызрань – Самара, в) Казань – Бугульма и г) Пермь – Екатеринбург.

Довольно сильный отряд красных действовал вдоль Оренбург-Ташкентской железной дороги, со стороны Актюбинска. Постепенно возникал и так называемый Семиреченский фронт, с главнейшим направлением Копал – Семипалатинск.

Тяжесть положения Народной армии, оренбургских и уральских казаков и чехов значительно усиливалась отсутствием прочных резервов и хроническим недостатком боевых припасов. Сибирская армия все еще формировалась и была отделена огромным расстоянием от боевого фронта.

Скудность железнодорожной сети вдоль левого берега Волги крайне затрудняла маневрирование и взаимную поддержку. Каждая отдельная группа в сущности предоставлялась своим собственным силам, причем каждая из них должна была сама справляться и с тем крайне изменчивым в условиях Гражданской войны настроением, которое создавалось среди населения⁵¹.

Правильно налаженной агитационной работы у антибольшевистских группировок не было; она не создалась в должной мере и потом. В этом отношении Красная армия всегда была в значительно более выгодном положении.

В этот начальный организационный период, конечно, нечего было и думать о широких стратегических заданиях. Важно было только наметить предельный рубеж, на котором можно было бы задержать красных и выиграть столь необходимое время для реформирований, перегруппировок и – что самое важное – для подхода резервов из Сибири.

Не исключалась возможность отхода до перевалов через Уральский хребет. Это ставило в очень тяжелое положение Уральское казачье войско и значительно затруднило бы связь с южной Добровольческой армией.

Туда было послано извещение о создании в Уфе Всероссийской власти, о замещительстве меня Алексеевым в Директории.

Претензии юга в то время были еще очень велики. Я предполагал, что извещение Директории там будет встречено без особого энтузиазма. Так оно, конечно, и было.

Но это не представляло особой важности. Разрыв между фронтом юга и Поволжья был слишком велик. Надо было, прежде всего, сойтись поближе.

В то время связь была возможна лишь через небольшой казачий отряд, занимавший Гурьев, затем через Каспий и Северный Кавказ, откуда только что было получено сведение, что оперирующий там отряд Бичерахова приветствует Директорию и просит руководящих указаний.

Это облегчило связь и с южной Добровольческой армией. Более короткое направление для связи могло быть через Царицын, но оно не было надежным. Отсутствие радио чувствовалось весьма сильно. Красная армия и в этом отношении имела значительные преимущества.

При большом единстве, при отсутствии сепаратизма у южан наиболее выгодным представлялось добиваться непосредственной боевой связи с южной Добровольческой армией, то есть направлять все усилия и главный удар в юго-западном направлении, примерно на фронт Саратов – Царицын.

При успехе операции в этом направлении получилась бы огромная охватывающая красных дуга, сжимание концов которой сулило самые решительные результаты. Москва, кроме того, лишилась бы запасов богатого юга, лишилась бы угля и столь необходимого ей жидкого топлива.

Но эта сложная операция была, конечно, не по силам Народной армии, обратившейся в тонкую паутинку, которая начала легко рваться под напором красных. Надо было быстро привести в готовность только что мобилизованные силы Сибири и бросить их за Урал.

Этого из Уфы было сделать нельзя. Условное подчинение Сибири подкрепить там было нечем. Руководящие круги в Омске были заняты другими делами: они готовились к тому, что произошло затем 18 ноября.

Предоставленная самой себе Народная армия постепенно теряла столь необходимый плацдарм на правом берегу Волги, теряла важнейшие переправы и постепенно отжималась красными к Уралу.

Сепаратизм и идеологическая отчужденность юга, страх опоздать с торжественным въездом в покоренную Москву продолжались еще долго и потом, когда Директорию сменило уже единодержавие Колчака. Эта отчужденность, как уже отмечалось, особенно чувствовалась в отношении Директории.

Наоборот, с севера, из Архангельска, где образовалось свое правительство, с членом Директории Н.В. Чайковским во главе, получилось не только признание Директории как центральной Всероссийской власти, но и горячее стремление к возможно скорейшему установлению связи.

Это направление имело также свои выгоды: при успехе оно предоставляло в распоряжение главнокомандования железнодорожный путь к Котласу, где имелись некоторые запасы, и далее по Двине вело к связи с Архангельском, с богатым источником боевого снабжения, столь необходимого в то время.

Бывший главнокомандующий иностранными силами на севере, генерал Пуль, вскоре прислал подробную ориентировку о положении дел в районе Архангельска.

Эти обстоятельства, в связи с большей возможностью усиления Екатеринбургской группы сибиряками и подходящими с генералом Гайдой чехами, теми именно чешскими частями, которые оперировали в Восточной Сибири, – все это указывало на целесообразность пожертвовать более выгодным южным направлением в пользу северного.

План этот сохранился затем и при Колчаке. С принятием его, башкиры, уральские и оренбургские казаки предоставлялись их собственным силам.

Я не имел возможности лично осмотреть войска и детально ознакомиться с положением на фронте, что ставилось и ставится мне многими в вину. Это было бы вполне справедливо, если бы откинуть некоторые обстоятельства, прежде всего – мое присутствие необходимо было в Директории – она решала вопрос о резиденции и об отношениях к Сибири; кроме того, надо было возможно скорее осуществить вопрос о выдвижении на фронт сибиряков, которым необходимо было хотя бы показаться, и, наконец, непосредственное руководство фронтом было в достаточно прочных руках генералов Сырового, Дитерихса и нескольких других старых и опытных русских генералов и офицеров.

Более крупной ошибкой с моей стороны было предоставление формирования особой бригады с артиллерией и конницей начальнику моего штаба генералу Розанову. Эта бригада должна была составить личную охрану Директории – ее ближайшую вооруженную силу, которая должна была предшествовать переезду в избранную Директорией резиденцию. По тем временам это было необходимо, и я, к сожалению, несколько поздно понял, что достигнутое в Уфе соглашение надо было немедленно закреплять штыками и что ближайший и более опасный враг был не на фронте, в виде Красной армии, а рядом, под боком и в тылу – в том идейном разброде, анархичности всевозможных группировок, особенно военных, утративших всякое представление об общей дисциплине, необходимой жертвенности в бесконечно трудный в тех условиях первый организационный период.

Я положил в основу моей деятельности доверие. Действительность показала, что нужны были другие, более суровые меры.

Начальником формирующейся бригады был назначен лично мне известный по мировой войне полковник Г. Тогда очень храбрый и энергичный, он, видимо, утратил эти качества в непривычных суровых условиях революции. 700 отличных офицеров и солдат, казалось, были бы достаточно прочным кадром, и тем не менее дело подвигалось плохо. Розанов если пока определенно не мешал формированию, то, во всяком случае, не оказывал необходимого содействия.

Он, как оказалось потом, сразу же попал в орбиту влияния сторонников диктатуры и двоился между требованиями долга и мечтой о восстановлении порядка, сметенного революционной бурей.

Во всяком случае, состоявшийся затем переезд Директории в Омск охранялся лишь небольшим личным конвоем; бригада была в процессе формирования.

Выбор столицы. Дорога. Приезд в Омск

Пребывание Директории и Уфе становилось совершенно нецелесообразным. Успехи красных на самарском направлении все более и более усиливали возможность непосредственной угрозы и Уфе. В ней не было ни достаточного контингента людей для создания необходимого делового аппарата, ни необходимых помещений, а главное, пребывание в Уфе совершенно отрывало Директорию от Сибири, которая в создавшихся условиях являлась единственным и всесторонним резервом для борьбы.

Выбирать приходилось из трех пунктов: Челябинск, Екатеринбург и Омск. Первый – Челябинск – быстро отпал: в нем размещались все сложные учреждения фронта и готовившийся к выходу на фронт целый армейский корпус.

Омск был очень далеко от фронта. Переезд туда Директории являлся как бы отрывом от Европейской России, суживал влияние Директории до сибирского масштаба, где пока еще было свое Сибирское правительство, отношение которого к Директории уже достаточно определилось.

Симпатии Авксентьева и Зензинова склонялись к Екатеринбургу. Город этот хотя и был близок к фронту, но он представлял большие удобства в смысле размещения. В нем можно было найти и достаточное число работников. Настойчиво приглашало Директорию в Екатеринбург и местное Уральское областное правительство, измученное распорядками местного представителя фронта генерала Голицына. Член правительства Л.А. Кроль получил указание подготовить необходимые помещения. Вопрос был почти предрешен.

В это время было получено и представление Сибирского правительства, также настойчиво приглашавшего Директорию в Омск, при этом В.В. Сапожников выдвинул, оказавшуюся столь пагубной, мысль об использовании Сибирского совета министров как готового уже делового аппарата для Директории. Уклон в сторону Омска усилился после заявления приглашенного на одно из совещаний генерала Сырового, что при создавшихся на фронте условиях он не может гарантировать не только безопасность Екатеринбурга, но и не исключает возможности его оставления.

Пессимизм Сырового имел источником неприятные осложнения, начавшиеся в чешских войсках в районе Самары.

Я лично не считал это заявление достаточным для отказа от Екатеринбурга и исходил из другого соображения – главный враг Директории был все-таки Омск, надо было вплотную подойти к нему и так или иначе обезвредить его или окончательно убедиться, что Директория в наличном ее составе действительно не более как «досадное осложнение». Большое сомнение возникало у меня и в отношении возможности быстрого создания делового аппарата, а без него Директория только бесполезно тратила время на заседания. Вопрос об Екатеринбурге был пересмотрен, и большинство высказалось за Омск.

Дальнейший ход событий привожу по сохранившимся страницам моего дневника.

Уфа, 3 октября

Заседание Директории Доклад прибывшего из Омска товарища министра финансов Буяновского по вопросу о переходе Временного Всероссийского правительства в Омск. Просят. Положение Сибирского правительства, видимо, сильно поколебалось конфликтом с Областной думой. Последняя выделила исполком, чем, впрочем, и ограничилась ее активность⁵².

Проклятый вопрос с резиденцией. В силу исключительных обстоятельств вопрос этот разрешается в пользу Омска. Без делового аппарата работа у нас стоит. Конечно, престиж правительства падает: мы рвем с Европейской Россией⁵³.

Челябинск, 5 октября

На вокзале торжественная встреча депутации. Почетный караул со старым царским знаменем. Это, видимо, установлено явочным порядком. Вопрос чрезвычайно деликатный в то время.

Представляется элегантный английский офицер.

«Высокий английский комиссар сэра Ч. Элиот просит узнать, где и когда он может видеть Верховного главнокомандующего».

Отвечаю: «Через 10 минут у меня в вагоне».

Входит английский высокий комиссар. Говорит по-русски. После обмена взаимными любезностями он задает примерно такой вопрос: «Не является ли несколько преждевременным объединение в вашем лице командования и над чешскими войсками, так как чехи считаются иностранной вооруженной силой?»

На сделанный мне вопрос я ответил вопросом: «А как вы поступили бы на моем месте в аналогичных условиях?»

Собеседник мой сделал неопределенный жест рукою и перешел на новую тему, о скором приезде военного представителя Англии, генерала Нокса, более компетентного в военных вопросах.

На площади парад квартирующему в Челябинске 3-му Уральскому корпусу и оренбуржцам. Командует старый генерал Ханжин, превосходный боевой артиллерист в мировой войне. Огромное скопление народа.

После парада, перед поездкой на торжественный банкет, я поехал посмотреть, как живут войска у себя в казарменной обстановке. Впечатление получилось неважное. Оно не покидало меня во все время банкета. Заносчивость в речах союзных представителей подлила масла в огонь.

Я сказал им: «...пока все, гости и хозяева, восхищенные парадом, шли сюда, я, по старой командирской привычке, поехал посмотреть солдата в его будничной, казарменной обстановке. И мне стало стыдно и больно за русского солдата: он дома бос, оборван, живет в убогой обстановке, стеснен... Больно, особенно потому, что, несмотря на все, в лице солдата я увидел то же выражение готовности к жертве, с которым он шел в Восточную Пруссию спасать от смертельного нажима Францию, с которым взбирался на обледенелые Карпаты, чтобы братски выручить Италию; увидел то же выражение, с которым он, почти безоружный, лез на проволоку, чтобы обеспечить временную передышку дерущимся на западе союзникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.